

Новое
в жизни,
науке,
технике

ЗНАНИЕ

Подписная
научно-
популярная
серия

6 '90

Теория и практика социализма

Ю. А. Школенко
ЦЕННОСТИ XX ВЕКА

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗМА

6/1990

Издается ежемесячно с 1967 г.

Ю. А. Школенко,
доктор философских наук

ЦЕННОСТИ XX ВЕКА

Издательство «Знание» Москва 1990

ББК 66.3
Ш 67

Автор: **ШКОЛЕНКО Юрий Андреевич** — доктор философских наук, журналист. Им написано около 150 работ по глобальным проблемам современности.

Редактор: **БЫСТРОВ В. Р.**

Школенко Ю. А.

Ш 67 / Ценности XX века. — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Теория и практика социализма»; № 6).

ISBN 5-07-001372-6

15 к.

Во всем мире идет ломка ориентаций, вызванная социальными потрясениями, кризисом в отношениях с природой, обостренным вниманием к человеку. Мысль и практика человечества реставрируют старые и рожают новые ценности во всех сферах духовной жизни, отражая извечное стремление к справедливости и солидарности между людьми. Возрождение и развитие человечности — сердцевина этого массового творчества.

Об этом пойдет речь в предлагаемой читателю брошюре.

0803010200

ББК 66.3

ISBN 5-07-001372-6

© Школенко Ю. А., 1990 г.

СМЕНА ПАРАДИГМ

Приближается время подведения итогов столетия. Человечество стало мыслить мировоззренчески и философски, чаще всего само не отдавая себе в этом отчета. Это не от хорошей жизни. Во всяком случае не от спокойной жизни. Ядерные и экологические апокалипсисы, национальные возрождения и национализм, пестрящий плюрализм образов жизни, целей, стилей, красота тела на конкурсах и олимпиадах и смерть врасплох наркоманов и алкоголиков, самоотверженность трибунов и безрассудство террористов, миллиарды бит информации, входящей в уши и глаза через телеэкраны, кружат головы, но и расшевеливают мозги. Угроза распада требует сосредоточенности. Стареющий век перестал смеяться над романтическими вопросами о смысле жизни, столь любезными мыслителям прошлого. Они вновь обретают ценность.

Если ценности не вещественны, а духовны, они могут показаться несущественными и как бы несуществующими. Но все ценности духовны, даже материальные, ибо само понятие ценности есть человеческая, социальная категория: с его помощью измеряются все предметы и явления, общественные и природные. Человек есть мера всех вещей, как справедливо утверждал древнегреческий философ-софист Протагор, но инструментом измерения, мериллом выступает шкала ценностей.

Существуют ценности и чисто духовные, относящиеся к проблемам смысла человеческого бытия, генеральных направлений прогресса общества, норм взаимодействия между людьми. Абстрактны ли они? До поры до времени — да. Когда наступает переоценка ценностей, характерная для всех социальных революций, в том числе для нашей перестройки, трудной, мучительной, то как раз здесь и обнаруживается не надуманная, а реальная ценность внешне абстрактных вещей. Выясняется, что без них, без долговременных ориентиров и жизненных правил человек существовать не может, он не терпит ценностной пустоты и потому спешит заполнить ее новыми категориями. В ценностях видится и исчисляется мир человека.

Еще в 1962 году американский науковед Томас Кун ввел в обращение понятие «парадигма» (от древнегреческого *paradeigma* — пример, образец) для обозначения совокупности идейных устано-

вок, приоритетов и достигнутых знаний, из которых исходит наука на каждом этапе своего развития. Когда парадигма меняется под воздействием новых условий, открытий, постановки новых целей, совершается научная революция¹.

МВ (Термин и понятие парадигмы можно расширить за пределы науки и распространить как на отдельного человека, так и на все общество. Всякий человек живет по своим жизненным установкам, которые формируются под влиянием его окружения, биографии, воспитания, возраста, потока получаемой информации и которые меняются вместе с изменением этих составляющих. Некоторые принципы человек, конечно, приносит через всю свою жизнь. Таким же образом существует и общество. Оно живет в определенных условиях, имеет определенное историческое наследие, ставит перед собой определенные исторические задачи, которые корректирует или меняет в зависимости от результатов своего развития и переоценки накопленного опыта. Общество живет дольше человека и потому успевает даже существенно менять собственные принципы.

и мораль (всё)
Парадигму применительно к обществу можно назвать общественным умонастроением, а смена парадигм есть смена всей системы социальных ориентиров или большинства из них, при сохранении все-таки чего-то постоянного, того, без чего общество перестает быть обществом вообще, переходя в нечто совсем иное.

Русский и советский биогеохимик В. И. Вернадский, создавший вместе с французским палеонтологом Пьером Тейяром де Шардемом учение о ноосфере (от древнегреческого nous — разум), «разумной оболочке» планеты, задавался вопросом: «Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы?»² Но еще в прошлом веке было известно, что теория, которая во многом есть то же самое, что и мысль, становится материальной силой, когда она овладевает массами людей. Так говорили Карл Маркс и его последователи, и это подтверждалось историей.

Разумеется, справедливо и другое замечание Маркса — насчет того, что нельзя судить об обществе по его собственным представлениям о себе, как нельзя делать того же самого применительно к отдельному человеку³. Можно крупно ошибиться и в человеке,

А. П. Ширинский

беря на веру исключительно его мнение о самом себе, и в обществе, полагаясь на его меняющуюся психологию и далеко не вечные доктрины. Но и человек, и общество действуют не по объективным критериям, а по субъективным побуждениям. Объективными оказываются лишь результаты действий, которые почти всегда отличаются от побуждений, и тогда человек или общество меняет жизненные установки и действует, уже исходя из новых побуждений. Так что мысль, будучи сама подвижной, всегда движет и человеком и человечеством.

XIX век породил немало парадигм века XX. Нынешний век опробовал их, обогатил, отверг или видоизменил, создал новые и приоткрыл завесу над ценностями XXI века. Современное человечество пытается рационализировать свое бытие, избежать мучительных и даже кровавых форм смены парадигм, столь богато представленных в переживаемом ныне столетии.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КОММУНИЗМА

С идеями коммунизма в расплывчатом виде всеобщего равенства, справедливости и счастья, с естественным различием и различием людей по признакам пола, возраста, таланта мыслители выступали давно. Аристотель говорил о государстве, служащем всему обществу и исключающем своекорыстное использование власти ее представителями. Томас Мор в «Утопии» и Томмазо Кампанелла в «Городе Солнца» (если не научно, то художественно) изобразили светлое будущее неантагонистического человечества. Французские социалисты-утописты Анри де Сен-Симон и Шарль Фурье дали детальные описания общественного благоустройства, а английский утопист Роберт Оуэн основал в США коммунистическую колонию «Новая Гармония». В экстремальной обстановке франко-прусской войны родилась Парижская коммуна — прообраз первого социалистического государства, поставившего своей целью построение коммунистического общества.

С первыми идеями коммунизма, основанными на научном анализе капиталистической формации, выступили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В советской литературе их называют основоположниками «научного коммунизма». Однако коммунистические выводы

они сделали из исследования совсем другой формации. На наш взгляд, коммунизм может быть научным лишь в той мере, в какой научна футурология, наука о будущем, частью которой выступает коммунизм. Иными словами, коммунизм есть научная гипотеза и перестанет быть гипотезой не раньше, чем возникнет и внедрится стабильная коммунистическая практика. На этот счет не заблуждались и сами Маркс и Энгельс. «Мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы, — говорил Энгельс от своего имени и от имени умершего Маркса. — Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намека на них не найдете у нас»¹.

И действительно, молодой Маркс лишь туманно, как и прежние утописты, определял коммунизм как «завершенный натурализм»² в смысле освобождения человека от всего неестественного. Но тем самым он гениально угадал суть коммунизма, точно так же, как гениально угадала возможные опасные последствия грядущей генной инженерии его современница, тоже юная, Мэри Шелли в своем романе «Франкенштейн, или Современный Прометей», где искусственно созданный живой монстр мстит людям за свою неестественность.

Позднее была выведена самая общая формула обмена между людьми при коммунизме: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». К сожалению, эта формула отложилась в массовом сознании в лозунговом виде. Потребности неправомерно и напрочь отделялись от способностей, и стала забываться вечно справедливая истина, что потребности всегда обеспечиваются и даже формируются способностями. Куда более перспективными оказались соображения классиков марксизма о коммунизме как о свободной ассоциации свободных производителей материальных и духовных благ. Кстати, и знаменательно! — эти соображения очень близки к современному коммунитаризму, о котором пойдет речь ниже.

Практика коммунизма в свои первые десятилетия была, да и поныне остается, длинным и тернистым путем к цели. Октябрьская революция 1917 года в России стала первым долговременным, после кратковременного опыта Парижской коммуны, прорывом в направлении к новому обществу. Она мыслилась и совершалась как

начало мировой социалистической революции. Об этом прямо говорил В. И. Ленин: «...Мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»³. Новое «национализированное» название страны — Союз Советских Социалистических Республик — предназначалось также и на скорый «вырост», то есть для всего земного шара. Однако социализм пришлось строить в одной стране: мировой революции не последовало, хотя революционные всплески в Европе и в других местах сопровождали Октябрьскую революцию. Последующие деформации социализма — а вместе с ним и коммунистического идеала, — быть может, как раз и имеют своей главной причиной именно это одиночество.

Не только ввиду первоначального одиночества, но и по глубинным внутренним причинам идея коммунизма начала было заходить в тупиковую ситуацию. Уже не по объективной, а по субъективной причине возник во времена Сталина тезис не только о социализме, но и о коммунизме в одной стране. И его даже принялись строить — уже после Сталина. Достаточно упомянуть Программу Коммунистической партии Советского Союза, принятую при Н. С. Хрущеве, с ее концовкой: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Сегодня на всей планете, пожалуй, лишь крохотная Албания сохраняет намерение учредить коммунистический строй в национальных границах. *Франция*

На протяжении почти всей истории социалистической практики коммунизм провозглашался главной и конечной целью развития советского общества, как и общества ряда других стран. Но «конечной» цели не может быть у человечества, наделенного бесконечными потенциями созидания (о мировоззренческих подходах к феномену человека мы еще поговорим ниже). Что касается содержательной стороны, то идея коммунизма была крайне вульгаризована, во всяком случае в обыденном, повседневном сознании советских людей. На коммунизм просто-напросто экстраполировались материальные ценности момента, которых не хватало и которые в изобилии заложены в воображении. Коммунизм представлял в виде общества со множеством разнообразных продуктов питания и других предметов потребления, с комфортом и праздным досугом.

Можно говорить о снижении в это время уровня мышления даже в сравнении с коммунистическими утопистами далекого про-

шлого. Такие вульгаризаторские взгляды, конечно, опровергались и отвергались учеными мужами «научного коммунизма» срединных десятилетий XX века, но взамен не предлагалось ничего умственно значимого, и коммунизм оставался голой абстракцией, которая тем не менее продолжала служить «конечной» целью всего общественного развития сначала в нашей стране, а затем в других странах социализма.

Историки будущего проанализируют и объяснят этот парадоксальный феномен, когда всего лишь слово «коммунизм» служило маящей целью движения целого общественного организма. Впрочем, такие явления бывали и в прошлом. Достаточно назвать идею бога, вполне абстрактную, но тоже ведущую людей в крестовые походы против «нечестивых» стран и «крамольных» идей. Вспомним Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово... и Слово было Бог» (1, 1).

Итак, путь, казалось бы, вел в никуда. В конце его виделся тупик и уже реально возводилась стена отчуждения. Не последним, а первым ее строителем было государство — категория, в принципе не родственная ни идее социализма, ни тем более идее коммунизма, — государство, обязанное быть сильным, когда рядом существуют несоциалистические формации, и иметь мощный бюрократическо-принудительный и защитительный аппарат.

Мы говорили, что XIX век явил зародыши многих парадигм XX века. К ним относится и нечто новое, что обнаружилось в прошлом столетии в функционировании государства — этого многотысячелетнего общественного института. Хрестоматийное положение о том, что государство защищает интересы господствующего класса, регулируя вместе с тем деятельность всего общества, в интересах общества, на один момент перестало тогда действовать. Государственный механизм стал давать сбой, а точнее — принялся функционировать для самого себя и обеспечивать свои собственные интересы. Мы имеем в виду бонапартизм, эпизод во французской истории времен Второй империи, суть которого была подмечена и вскрыта классиками марксизма⁴.

Современному человеку, знакомому с кибернетикой, нетрудно представить себе подобную ситуацию. Кибернетики-теоретики много фантазируют о том, как умные машины будущего однажды пе-

рестанут обслуживать людей и, наоборот, начнут подчинять их себе, создавая для себя собственные программы. Нечто подобное и случилось с бонапартизмом, хотя государственная машина работала в докомпьютерную эпоху. Подметив это явление, классики марксизма все-таки недооценили его значимость для далекой исторической перспективы, конкретно — для социалистического государства.

Сталинский режим в СССР был типичным проявлением и развитием бонапартизма. Он деформировал и разрушал социалистический строй, подобно тому как метастазы рака деформируют и в конце концов разрушают организм человека. Волюнтаризм решений, конструирование химер вместо общества будущего, внеэкономическое принуждение, физическое уничтожение масс людей — вот симптомы и признаки этой страшной социальной болезни.

Советский исследователь Игорь Клямкин полагает, что Сталин воспринял от периода гражданской войны и военного коммунизма с его тотальным диктатом и трудовыми армиями «военистическую идеологию» и ориентировал советское общество на развитие скорее по своего рода религиозным догмам (ио без религиозного гуманизма, одухотворенности и бережного отношения к истории), нежели по социально-экономическим нормам. До сих пор скрытые адепты сталинской методологии и коммунистической партии сталинского типа пытаются «сохранить» партию в ее прежней роли садовника, пересаживающего идеалы и цели («принципы») из идеологического питомника в повседневное наше существование⁵. Конструирование общества «сверху» с игнорированием или, в лучшем случае, минимальным учетом противодействующих реальностей «снизу» — так можно определить «развитой» бонапартизм, выросший на социалистической почве, оказавшейся для него благодатной. Тем же самым однонаправленным путем первоначально пошла даже гласность, в принципе призванная разрушить всяческий тоталитаризм.

Здесь встает сложная проблема насильственной политической революции, открывающей эпоху нового социального строя. История полна революций. После каждой из них победивший класс (весь класс, а не только его лидеры) строил свое общество, проявляя

творческую изобретательность и пафос созидания. Ни классики, ни партия, никто не придумали в России Советы. Они возникли стихийно как результат творчества народных масс в первую русскую революцию 1905—1907 годов. Но в 20-х годах пугающее стремление некоторых социалистических лидеров насадить Советы по всему земному шару было явлением не творческого, а волюнтаристского порядка. Государство призвано поддерживать и обеспечивать, но не созидать во всех деталях новый строй. Этого не предельвала ни одна из досоциалистических революций. Всякие претензии на социальное творчество исключительно «сверху» способны обильно питать лишь бонапартизм и его разновидности, возникшие в XX веке. Зато творить социализм «снизу» люди умели и умеют не хуже, чем они умели творить капитализм и все, что ему предшествовало.

В нашей стране, как и за ее пределами, продолжают дискуссии о том, был ли сталинский режим социализмом, не была и не остается ли сформировавшаяся тогда бюрократическо-административная каста новым и беспрецедентным эксплуататорским классом. Во всяком случае эту касту именуют социальной группой или социальным слоем в числе многих других групп и слоев, стратифицирующих советское общество и размывающих государство рабочих и крестьян⁶.

Однако коль скоро мы определяем сталинский режим как бонапартистский, возникший в условиях социализма, то речь идет о перерождении лишь государственных структур, а не всего общества. «Первичный» бонапартизм Наполеона III тоже не устранил буржуазного строя, а лишь развратил его. Любопытно, что еще в 30-е годы, будучи в изгнании, Л. Д. Троцкий, один из активнейших деятелей Октябрьской революции, самобытный, но и своенравный, сам не свободный от бонапартистских замашек, определял сталинизм именно как бонапартизм, дополненный «центризмом» (централизмом власти). Он писал о советском строе того времени: «Когда бюрократия, попросту говоря, обкрадывает народ... мы имеем дело не с классовой эксплуатацией в научном смысле этого термина, а с социальным паразитизмом, хотя и в весьма большом масштабе»⁷. Так что сущность социализма, на мой взгляд, не изменилась, как не меняется существо еще живого человека, который хо-

и считал, что бонапартизм — это не социализм, а паразитизм

тя и пронизан метастазами рака, но сохраняет некоторый шанс на выживание. Больше того, социальный организм в отличие от организма индивида никогда не бывает подвержен принципиально неизлечимым недугам. Правда, Троцкий обращает здесь внимание не столько на волюнтаризм деяний, сколько на паразитизм существования бюрократической касты.

В чем же состоит сущность социализма, не подвластная бонапартистским извращениям? Она — в неистребимом творчестве масс, и только в этом. Ни одна досоциалистическая революция не создала «с ходу» нового социального строя, и мы на это уже указывали. Не создала его и политическая революция, свершившаяся в октябре 1917 года. Кратковременный период военного коммунизма уступил место новой экономической политике. Суть и цель изда как раз и заключалась в постепенном становлении творческого социализма, или, что то же самое, «строю цивилизованных кооператоров» (Ленин), который должен был совершенствовать свою цивилизованность и свой социализм под эгидой государства. В. И. Ленин активно разрабатывал концепцию этого строя, но... не успел. И с конца 20-х годов творческий социализм был побежден сталинским государственным социализмом. Это и был бонапартизм в условиях социализма.

Такие же признаки бонапартизма, уже в условиях капитализма на его империалистической стадии, были присущи другому феномену-монстру XX века — фашизму и национал-социализму. О Гитлере среди его апологетов ходила витиеватая метафора: «Германия — податливый мрамор, а фюрер — ее скульптор». За этой красотой кроется все тот же бонапартизм, доведенный до своего антигуманистического предела. Нацизм с его догмой об избранной расе и поисками объяснений этому в истории был мифоманией, поднятой на уровень государственных решений. Кажущийся рационализм и методичность действий фашистских режимов — на поверку не что иное, как общественная паранойя. Это тоже предмет исследования для историков XXI века, как и ползучая живучесть фашизма (неофашизм), этого преступного отклонения от человечности. И уже фарсом, миниатюрным, но от того не менее отталкивающим, была полпотовская Кампучия, где режим уничтожил чуть ли не половину населения и на костях уничтоженных построил

искусство "убийству как ритуалу"
милосердия

«полный коммунизм», вконец профанировав категорию, обозначающую словом «коммунизм».

Конечно, гитлеризм и долпотовщина никак не соприкасаются ни с социализмом, ни с коммунизмом. Но и идея социальной справедливости, воплощенная в этих лонятнях, прошла и еще проходит лонистине тернистый путь. Много тягот выдало на ее долю. Но тягот ли? Скорее испытаний. Сегодня извращения прошлого анализируются и отменяются, чтобы не застлали взгляда в будущее и не загромождали дорогу к нему. Бывший деятель администрации США Збигнев Бжезньский, глядя на вещи «справа», пишет в своей недавней книге «Великий провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке»: «Предаваясь своего рода историческому стриптизу, они (коммунистические лидеры) отвергают — так сказать, срывают слой за слоем — свое доктринальное прошлое»¹. Написано верно, хотя и несимпатично. Но тезис, заключенный в названии книги, не отвечает исторической истине: коммунизм родился не в нынешнем столетии и не умер в нем, а «срывание» доктринерства было очистительной, а не самоубийственной процедурой. К тому же коммунизм не только самоочищается и как бы «тончает», но и наращивается, насыщается опытом века.

Человечество, гораздо чаще смотрящее на вещи «слева», стало более мудрым от горького опыта деформаций идеи коммунизма и еще более мудрым, все-таки не отвергнув ее окончательно после столь тяжких опробований практикой. Чем это объяснить? Тем, что идея и идеал равенства и справедливости, можно сказать, входят в генетический код человека. Они выражают чувство человеческого достоинства, столь же неотъемлемое от человека, как и пять органов чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), как и все его инстинкты, от самосохранения до продолжения рода.

Классики марксизма утверждали, что все антагонистические формации суть лишь преемственность человечества и что только с социализмом и коммунизмом начнется подлинная его история. На заре жизни на Земле кишельные рыбы, плерелозая от одного плересыхающего водоема к другому и натружная ллавники, превратившиеся лостепенно в конечности, положили начало классу млеколитающих, от которых в результате длительной эволюции произошел человек. Это был прорыв в развитии, без которого наша пла-

нета, наверное, имела бы совершенно иной вид и иную судьбу. Коммунизм, эта ценность XX века, унаследованная от предыдущего столетия и более ранних времен в виде утопии, теории и истории первых классовых битв во имя идеи, тоже есть прорыв, быть может, такой же долгий и трудный, но столь же упорный и неизменно результативный, как путешествия по суше кистеперых.

Пусть с помощью образного сравнения, но мы подошли к проблеме взаимоотношений человека и природы, проблеме, превратившейся во второй половине XX века из абстракции в грубую и зримую реальность и наложившей свою печать на сугубо социальные идеалы и действия. Эта проблема, как увидим, не подменяет и не отодвигает в сторону другие. Напротив, ее решение — предпосылка преодоления всех социальных проблем.

ОТ ТЕХНОКРАТИЗМА К ЭКОЛОГИЗМУ

XIX век, век пара и электричества, передал XX столетию эстафету-парадигму господства человека над природой. На грани веков воздушные шары сменились самолетами, появились автомобили, изобретено радио и уже проектировались космические ракеты. Технику и технологию подхлестнула и первая мировая война с ее танками, дредноутами, газами.

Вторая половина XX века проходит под знаком научно-технической революции. Ее начало ознаменовалось заключительным аккордом второй мировой войны — ядерными взрывами над Хиросимой и Нагасаки.

До второй мировой войны и долго после нее господствовала концепция преобразования природы. В самом деле, если можно экспериментировать с народами, то почему то же самое нельзя делать с природой? Так уже пытались сделать с историей, медлительной, как природная эволюция, но, казалось, легко прерываемой единым махом. До войны у нас вынашивались проекты почти полной ликвидации исторической застройки в центре Москвы, превращения Красной площади в Мавзолейный проспект без храма Василия Блаженного и здания Исторического музея. Тогда же был взорван храм Христа Спасителя — памятник победы над наполеоновской армией. После войны Сталин прочертил квадраты лесо-

полос по европейской части СССР с помощью простой линейки. Затем были запружены энергоплотинами Волга и Днепр. Приступили к реализации идеи поворота на юг великих северных и сибирских рек. С довоенных времен бесконечно повторялось и распространялось по всякому поводу неосторожное изречение садовода И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Садовод из города Козлова Тамбовской области очень импонировал «садоводу» из Кремля.

Вслед за рождением НТР в дыму ядерных взрывов началось наступление «мирного атома» главным образом путем сооружения атомных электростанций. С надеждой на скорый успех, не оправдавшейся впоследствии, начались разработки по управляемой реакции термоядерного синтеза, чтобы, обуздав и «конвертировав» на мирный и созидательный лад атомную бомбу, сделать то же самое с бомбой водородной. Все это сулило человечеству безграничное энергетическое изобилие — источник и основу всякого могущества.

Однако НТР по своей сути — это не ядерная революция. Это революция информационная, революция на базе электронной техники — компьютеров, дисплеев, телевидения. Саму НТР на Западе чаще называют «информатической». Потоки информации хлынули на человека новым всемирным потоком; увлеченные кибернетики стали предсказывать, что компьютер будет со временем умнее человека и подчинит его себе, о чем мы уже, кстати, упоминали в связи с бонапартизмом. Этого, конечно, не произошло и никогда не произойдет, потому что кибернетики, будучи не философами, а технократами, упустили из виду, что компьютерная программа не может содержать больше того, чем вложил в нее человек.

Но если рассматривать НТР не в фантастическом, а в реальном ракурсе, то информационный поток, или, как его еще называют, информационный взрыв, способствует сближению и усилению взаимозависимости между членами многомиллиардной человеческой семьи. Канадский социолог Маршалл Маклюзи говорил, что благодаря аудиовизуальным средствам информации, в частности телевидению, где господствует понятный всем образ, картинка, возвращающие нас к пиктограммам каменного века, земной шар превратился в «глобальную деревню», в которой, как и в настоящей де-

ревне, люди узнают друг друга и быстро реагируют на события¹.

Энергия и введенная в производственный процесс информация, воплощенная в микропроцессорах, промышленных роботах, автоматических линиях и целых автоматизированных предприятиях, позволили умножить массу изготавливаемых изделий, разнообразить и удешевить материалы, обеспечить комфортное существование или во всяком случае его видимость почти каждому. В развитых странах Запада владельцами автомобилей являются даже ныне безработные. Благодаря техническим средствам доступ к событиям в мире и культуре получили все. Символом пустыни стал теперь бедуин с транзистором. Быстрота передвижений по планете в современных авиалайнерах сделала ее чрезвычайно маленькой.

Ничто не дается даром. Прозрение по поводу опасности идеологии господства над природой наступило вскоре, где-то в 60-х годах, когда люди обнаружили, что это господство лишает их извечных и бесплатных благ — чистого воздуха и чистой воды, вдруг ставших редчайшей и труднодоступной ценностью XX века, необходимой миллиардам людей, лишает зеленых рекреационных массивов, природной тишины, привычных пейзажей. Скорость изменения лика планеты превышает быстроту адаптации человека ко все новым и новым условиям, а это твит в себе угрозу угасания вида *Homo sapiens*. Революция убивает эволюцию. Даже относительное обилие пищи, достигнутое (далеко не для всех, ибо миллионы людей в странах «третьего мира» умирают от голода) с помощью химизации сельскохозяйственного производства, является нестабильным и небезопасным с медицинской точки зрения.

Первой публикацией, предназначенной для массового читателя, которая потрясла мир и была поначалу встречена в штыки индустриальными монополиями и ведомствами, была книга американки Рейчел Карсон «Безмолвная весна» — о губительных последствиях для всего живого на Земле применения ДДТ и других инсектицидов и гербицидов². Книге предпослан эпиграф из Альберта Швейцера — пожалуй, единственного из просветителей в том смысле, в каком мы знаем их по XIX веку, но просветителя, уже мыслявшего глобальными категориями: «Человек утратил способность предвидеть и предсказывать. Кончит он уничтожением всего земного шара». Не кончит, конечно, если вновь обретет эту утраченную

способность. Но безмятежно оперировать грамматическим союзом «если» уже не приходится. Обрести эту спасительную ценность просто необходимо.

Ежедневно из биосферы в небытие безвозвратно уходит по одному виду растений или животных. Этот процесс ускоряется, и к 2000 году будет исчезать уже один вид в час. Главным образом уничтожаются зидемики тропических лесов из-за хозяйственной вырубкн последних. В исчезновении видов повинен человек. Только насекомые ускользают из-под его воздействия, подтверждая мнение биологов, что историю живого на Земле завершат мухи. Безвозвратно уходит в прошлое биологическое разнообразие, необходимое человеку для культивирования новых пород и сортов взамен старых, постепенно выраждающихся; для получения новых медикаментов, целительные свойства которых так никогда и не станут известны, поскольку исчезают потенциально целебные растения; для психологического равновесия, ибо в человеке заложено, помимо чувств, упомянутых нами ранее, «чувство бесконечного», без которого ему неуютно и тесно; наконец для сохранения культуры, поскольку несколько десятков развиваемых на земном шаре монокультур (из более чем 2 миллионов пока еще существующих живых видов) превращают косвенными путями в некую монокультуру и культуру самого человека, сужают его кругозор, лишают представителей искусства источников вдохновения, делают человека «одиомерным» существом, если воспользоваться выражением покойного социолога Герберта Маркузе, как «одиомерен» горожанин, живущий в сплошной типовой застройке нового квартала или города без исторического центра.

После выхода в свет книги Карсон широкое применение ДДТ постепенно прекратилось. Но появилась новая опасность. В конце 80-х годов над Антарктидой была обнаружена дыра в озоновом слое верхней атмосферы, защищающем все живое от смертельных доз солнечного ультрафиолета, — дыра размером с территорию США. Дыра поменьше образовалась над Арктикой. Об общем и повсеместном утончении озонового слоя было известно и раньше. Но лишь сравнительно недавно был найден виновник — фреоны, используемые в холодильных установках и бытовой химии. Перспектива «безмолвной весны» не исчезла.

Вдобавок к ней появилась и сохраняется перспектива «ядерной знымы» — экологических последствий все еще возможного термоядерного побоища, когда взметенная пыль и дымы пожаров резко сократят поступление к планете солнечного тепла и света и произойдет многомесячное похолодание ее атмосферы и поверхности, что приведет к гибели от голода и холода тех, кто уцелеет после такого побоища.

К экологическому обеспечению человечества относятся и запасы полезных ископаемых. Они невозобновимы, будучи единожды созданы при формировании планеты в результате умирания былых биосфер. Тем не менее они расходуются и истощаются со скоростью и ускорением, сопоставимыми с быстротой исчезновения живых видов.

К этому следует добавитъ и такие проявления экологического неблагополучия, как шум в городах, промышленных агломерациях, аэропортах, как электромагнитные пертурбации, вызванные функционированием множества линий электропередачи, заполнением спектра радиоволнового излучения мощным потоком радио- и теплепередач.

Человек долго не вникал в проблемы экологии, считая себя застрахованным от негативных последствий потребительского отношения к природе и наивно полагая, что может создать себе комфорт, не обращая внимания на состояние природной среды. Сугубо научное слово «экология», означающее сосуществование живых существ в определенной среде обитания, в едином «доме», стало общепонятным и выражающим тревогу за человеческое существование.

Потребовалась смена парадигм — парадигмы могущества на парадигму выживания. Столь крутой и внешне «унизительный» для человеческой гордыни поворот все-таки совершается, потому что угрозе человеческому существованию, даже помимо ядерной войны, реально и становится все явственнее. Встал, как уже отмечалось нами, вопрос об эволюционном банкротстве *Homo sapiens* и о действительной степени разумности «человеке разумного». Ушли, кстати, а небытие и нелепые представления о коммунизме как о роге изобилия почти «самостояющихся» матеральных благ.

Оказался перед необходимостью внесения коррективов и сам

«научный коммунизм». Общество будущего, учили классики, будет характеризоваться высокой нормой свободного времени благодаря возросшей производительности труда. Свободное время — действительно истинное богатство общества. Однако, по нашему убеждению, в этом тезисе не учитывается растущее сопротивление природы человеческому прогрессу. Полезные ископаемые добываются теперь со все больших глубин, а их руды становятся все беднее. Промышленные предприятия вынуждены тратить на очистные сооружения и безотходную технологию до половины своих мощностей. Гигантские массы воздуха и воды нуждаются в очищении, что требует создания принципиально новых средств транспорта, применения новых методов производства, которые пока не разработаны или не внедрены. Дикая природа, которая миллиарды лет существовала и развивалась сама по себе, теперь нуждается в реставрации и сложных природоохранных мерах. Рост массы продуктов питания для умножающегося населения упирается в абсолютный потолок плодородия, а плодородные почвы, эта уникальная сфера планеты, базис всего живого на Земле и основание всех пищевых пирамид, имеющие толщину лишь в несколько десятков сантиметров, истощаются и теряют площади, подобно истончению озонового слоя и образованию в нем обширных дыр. Человеку, изнеженному и разращенному индустрией комфорта, приходится изыскивать новые формы существования, самоограничивать себя в своем образе жизни.

Озабоченность экологическими проблемами проявляется и в стихийно-массовых общественных движениях, и в научных изысканиях и рекомендациях. Общественные движения экологического толка охватили весь мир. Это «зеленые», экологи, энвайронменталисты в странах всех континентов, включая социалистические; это международная организация «Гринпис», проводящая прямые акции против загрязнителей и браконьеров; это локальные митинги и собрания против конкретных антиэкологических объектов или проектов.

Массовость этого движения среди массовости движения пролетариата предсоциалистической эпохи с той разницей, что вместо призрака коммунизма, бродившего по Европе, ныне призрак экологической катастрофы бродит по миру. Разница эта существенна.

Движение в защиту природы не классовое, а общечеловеческое. Оно бушует повсеместно в государствах с различными системами. Против кого же оно в таком случае направлено? Против индустриальных монополий и ведомств, которые восстали против книги Карсон? Но те и другие либо контролируются государствами, либо прямо образуют государственниый аппарат. Разве государство не призвано, помимо обеспечения классовых интересов в классовом обществе, обеспечивать также и общие интересы своих граждан? Видимо, здесь у государств проявляются рецидивы и тенденции все того же бонапартизма, существования и функционирования ради самих себя. Может быть, граждане оказываются прозорливее своих правителей? Во всяком случае это тоже предмет размышлений для историков XXI века.

А как обстоит дело с научными подходами к современной экологии? Мы проиллюстрируем их на некоторых публикациях, которые, на наш взгляд, вбирают в себя всю гамму мнений мирового научного сообщества и могут считаться ключевыми.

В 1971 году французский социолог и экологист Филипп Сен-Марк выпустил книгу «Социализация природы»³, в которой выступил за то, чтобы превратить в национальное достояние, защищенное от частных посягательств, морские и озерные побережья, лесные массивы рекреационного значения, ценные в эстетическом отношении горные пейзажи, реки с их биологически богатейшим миром. Сен-Марк приводит актуально звучащий и в наше время указ Людовика XIV от 1681 года о том, что неотчуждаемым всеобщим достоянием есть и всегда будет морское побережье, то есть «все то, что море покрывает и открывает во время новолуний и докуда может дойти большая мартовская волна». И современный автор-экологист добавляет: «Государство теперь менее социализировано, чем при Людовике XIV»⁴. Помстине новое — это хорошо забытое старое, как сказала модистка Марии-Антуанетты, жены Людовика XVI, казненной вместе с ним режимом, который открыл эпоху «теплого чистогана», в том числе и по отношению к природе. И действительно, необходимо постоянно напоминать о функции всякого нормального государства как защитника общегражданских и общенациональных интересов.

Эпохальное значение приобрела концепция американского со-

циолога Дзинепа Белла, которая была изложена им в книге «Стаиование постииндустриального общества» в 1973 году⁵ и которая до сих пор не перестает производить впечатление и вызывать оживленные диспуты. Время индустриальных обществ миновало, считает Белл. Как некогда аграрное общество уступило место индустриальному, так индустриальное общество должно уступить место постииндустриальному. Последнее отличается единением человека с природой, приоритетом услуг перед товарами, широкой демократией, меритократией (властью достойных и компетентных людей). Конечно, все бюрократы считают себя меритократами, но как раз демократия не дает переродиться им в технократов и тиранов. Постиндустриальное общество не отменяет индустрию, как не отменило сельского хозяйства общество индустриальное. Но прекращаются экстенсивное вторжение в природу, энергетическая и сырьевая прожорливость промышленности. Сфера услуг дополняется сферой духовных и интеллектуальных благ, развитием информационной техники и технологии, не требующей больших материальных затрат. Цивилизованная простота и неприязнательность — вот образ жизни будущего общества.

Преобладает ли идеализм и утопизм в таких воззрениях, сказать трудно. Но тенденция, замеченная Беллом, реализуется: повсеместно растет сфера услуг, снижается энерго- и материалоёмкость производства, взрывоподобно распространяется компьютеризация во всех сферах хозяйства и в быту, а единение с природой давно стало кличем человечества XX века.

Беллу вторит, развивая его концепцию, американский футуролог Элвин Тоффлер в книге «Третья волна»⁶. Вслед за сельскохозяйственной и промышленной волнами идет третья волна — научно-техническая революция и экологические проблемы, требующие скорейшего решения. Информация — главная ценность этой новой эпохи. Информация интеллектуализирует окружающую среду, превращает ее в «инфосферу» (информационную оболочку планеты). Всеобщая связь между людьми, обеспечиваемая системой коммуникаций и информации, позволяет децентрализовать многие виды производства, перевести их из «домашний» режим, распределить среди множества мелких, но квалифицированных производителей, не отделяющих свою личную жизнь от общественного труда. Ук-

репляется семья, индивидуализируется образ жизни, но от распада человечества на отдельные ячейки гарантирует все та же всеобщая связь и информированность. Итак, домашнее производство на электронной основе, плюрализм мнений и поведения, единство технико-интеллектуального уровня. Цивилизация абсорбирует в себя все лучшее от своей прежней истории и отбрасывает худшее в ней.

Наконец, западногерманский экологист Рудольф Баро в книге «Логика спасения. Кто может предотвратить апокалипсис?»⁷ пытается сопоставить стихийный экологизм масс с «научным» экологизмом специалистов и мыслителей. Движение «зеленых» в ФРГ и других странах носит паллиативный характер: оно пытается лишь подправить существующую индустриальную систему, вместо того чтобы упразднить ее совсем. Поэтому современное экологистское движение ведет в тупик. Люди непоследовательны: они хотят хорошей природы и одновременно обилия материальных благ, которое может быть обеспечено нынешней индустриальной цивилизацией. А такое совмещение невозможно. На повестке дня — аскетизм. Необходимо ликвидировать индустриализм во всех его проявлениях, включая обслуживающую его позитивистскую иную. Баро убежден, что предлагаемая им установка на радикальный отказ от индустриальных форм существования человечества и есть подлинно новое мышление конца XX века, и именно в этой связи добавляет, что «Михаил Горбачев... пытается выразить и реализовать мышление новой эпохи»⁸.

Такая параллель между мышлением западного экологиста и мышлением социалистического обновления хотя и симптоматична, но сомнительна, тем более что Баро делает шаг назад по сравнению с ранее рассмотренными авторами: его концепция негативна, она нацелена на упразднение существующих форм хозяйствования, фактически не предлагая ничего взамен, кроме декларируемых им возвращения к матриархату как гарантии человечности человечества и учреждения «незримой церкви» — духовно-этической доктрины, призванной обеспечить единение людей между собой и с природой⁹.

В Советском Союзе не появлялось научных произведений такого ранга, радикальных и оригинальных, как некоторые из кратко

изложенных и охарактеризованных выше. Быть может, виной тому слишком долгое средневеково-схоластическое следование положениям марксизма XIX века, превращенным в каноны, когда новые реальности не замечались или отвергались с позиций чванливого идейного изоляционизма. Но все-таки нельзя не назвать имя академика В. И. Вернадского, ученого-естественника, пришедшего к марксизму исключительно естественным путем, по строгим правилам науки, подобно тому как Сен-Марк без всякого идеологического понуждения пришел к идее социализации природы.

Учение Вернадского о ноосфере можно резюмировать так: биосфера планеты переживает новое качественное состояние. Она породила разумное существо, человека, который, будучи ее неотъемлемой частью, призван обеспечить ее дальнейшее развитие, как и свое собственное. Антагонизм социума и природы должен уступить место их единству и сотрудничеству. Конкретные пути к этому имеют двуединый — технологический и социальный — характер. Технологически человек должен стремиться быть не потребителем, а производителем, и не только природных благ, но и самой природы, прежде всего живой; быть автотрофным, самообеспечивающимся, как автотрофны растения, использующие солнечную энергию и земную неорганику, соединяя их вместе посредством фотосинтеза и производя живое вещество, образующее первый ярус пищевой иерархии, наверху которой находятся хищники и среди них сегодня — человек. Социально человек должен составлять единство со своими сородичами, людьми, и со всей остальной природой, беря на себя в этом единстве миссию разумного руководителя природы и инициатора ее развития, обогащения, многообразия.

Какое же общественное устройство соответствует такой ноосфере? На этот вопрос отвечает сам Вернадский: «То понятие ноосферы, которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей «научный социализм»¹⁰. Вернадский преодолел противоестественное разделение между обществоведением и естествознанием и сделал это под знаком социализма, который, как мы уже говорили, чреват коммунизмом, он осуществил предвидение и мечту молодого Маркса о взаимном слиянии этих двух групп научных дисциплин в

грядущем обществе социальной справедливости¹¹, которое само будет интегрировано, а не инкрустировано или хирургически врезано в природу.

Коснувшись темы ноосферы, мы уже тем самым покидаем область прикладных задач и проблем природопользования и переходим к большой мировоззренческой теме существа, судьбы, перспектив человека в системе природы — как малой, земной, так и большой, космической.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГУМАНИЗМА

Мысли о предназначении человека в мироздании порождены его мучительными поисками путей к совершенствованию своего бытия. Быть может, они возникают и как противовес меркантильности, дроблению и мельчанию человеческих интересов. Во всяком случае они образуют все более утверждающую себя ценность конца нынешнего века и тысячелетия.

Чтобы пояснить нашу мысль, обратимся к такому понятию второй половины XX века, как приоритеты.

Сопоставление между мировоззрением и приоритетами может показаться странным. Однако ничего странного тут нет. Приоритеты связаны с ближайшими, непосредственными нуждами и целями людей, а мировоззрение — с далекодействующими факторами, с неблизким реальным эффектом, с фундаментальными исследованиями и с вложением средств в отдаленное будущее. Типичным проявлением последнего фактора могут служить космические исследования и инженерные разработки для грядущей экспансии человечества в космосе.

В годы перестройки в СССР некоторые представители ученого мира, общественности, народные депутаты стали выступать против чрезмерных, по их мнению, расходов на космонавтику. Эти расходы подчас приравниваются к расходам на вооружения, которые действительно легли тяжелым бременем на человечество и части которых вполне хватило бы на разрешение экологической, продовольственной и других глобальных проблем современности.

Надо сказать, что противники огромных расходов на космонавтику правы в том, что касается необходимости более рациональ-

ного и эффективного использования для земных нужд результатов исследования и освоения космоса и внедрения в народное хозяйство технологических новинок космонавтики. Но правы ли они, призывая к свертыванию космических программ вообще и в особенности исследований космоса за пределами околоземного пространства? Я убежден, что нет.

В обстановке надвигающегося экологического кризиса возникла психология ограничения в эксплуатации природы. За ней необходимо следует и соответствующая практика ограничения. Но мировоззрение ограничения опасно, притом не менее опасно, чем сам ползучий экологический кризис. Здесь кроется мощная бомба замедленного действия — зауживание хрузозора и грядущая декалфикация человека-работника. Ведь мировоззрение всегда в конечном счете выходит на практику. Очередность приоритетов, когда первые места занимают близлежащие задачи, отодвигает на задний план дальнеперспективные цели, всегда сопряженные с мировоззрением ввиду пространственной и временной масштабности как их самих, так и мировоззрения. Психология ограничения чревата перерождением в вульгарную психологию очереди, столь привычной для нашего быта. Поэтому хотят того люди или нет, но, чтобы оставаться людьми, им всегда приходится что-то отрывать от злободневностей настоящего ради перспективы, ради будущего.

Поднимаясь на мировоззренческую ступень своего бытия, человек как бы отвлекается от самого себя и пытается вобрать в себя мир. И этот мир в самом деле духовно входит в него, обогащая человеческую личность. Поэтому мировоззрение, несмотря на его кажущуюся абстрактность, всегда сфокусировано на реальном человеке.

Подходя к мировоззрению с меркой ценностей, наверное, лучше сопоставлять место, занимаемое мировоззрением, не с приоритетами, а с иерархией ценностей. Иерархия — вещь, существующая не менее реально, чем приоритеты. Больше того, эти две категории очень похожи друг на друга: там и тут речь идет о некоей очередности. Наконец, приоритеты и иерархия нередко просто совпадают в повседневном сознании. Для голодного высшая ценность — хлеб.

Но приоритеты обычно существуют там — и захватывают со-

знание, — где всякого рода нехватки как раз и создают очередность, не позволяя реализовать сразу и одновременно всю цепочку приоритетов. Иерархия более фундаментальна и не зависит от быстротечных конъюнктур. Она похожа на египетские пирамиды, имеющие 40 веков. И вершину этой иерархии всегда занимают ценности мировоззренческие. Они и возникли-то, когда первобытный человек, как правило, старик, обрел свободное время, разгрузившись от приоритетов.

Для Иммануила Канта высшими ценностями и вечно удивительными вещами были «звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Этика Альберта Швейцера основывалась на «благоговении перед жизнью». Ленин был до мозга костей политиком, притом политиком-глобалистом, если применять современную терминологию. Спасительным свойством человечества, буквально его счастьем, всегда было то обстоятельство, что в конечном счете своими оно делало ценности своих лучших, а не худших представителей. Быть может, здесь кроется коллективный инстинкт самосохранения. Человечество не прожило бы долго, если бы на вершине иерархии его ценностей оказались культ силы или шприц наркомана.

Итак, о мировоззрении в его соотносительности с гуманизмом. Таковую соотносительность мы уже начали нащупывать в вышеприведенных абзацах и почувствовали, что гуманизм не просто привязывается к мировоззрению, а органически вырастает в него.

Молодой Маркс называл коммунизм не только завершенным натурализмом, но и завершенным гуманизмом¹. Мы, как и он, будем понимать под гуманизмом нечто гораздо большее, нежели простую гуманность, — большее, но, разумеется, включающее гуманное отношение человека к человеку. Чтобы компетентно рассуждать о степени силы человека или его бессилия, необходимо поместить это природно-социальное существо в широкий контекст мировоззрения, отойти на какой-то момент от чувственного «человеколюбия» и перейти к рассудительному «любомудрию», как по-старорусски называли философию (хотя точнее было бы именовать ее «мудролюбием»).

Ценность человека резко поднялась во второй половине XX века на фоне и вследствие его бесценности после двух кровавых мировых войн, геноцида гитлеризма, массовых репрессий ста-

линизма и всяческих диктатур по всему миру. Ценность человека поднялась и ввиду реальных угроз существованию человеческого рода — термоядерной, экологической — я их уже обрисовал ранее. Ценность человека поднялась в обстановке страстного желания не повторять трагедий прошлого и предотвратить беспрецедентные трагедии будущего. Но ведь нужно и понять ценность человека во всей ее бездонной глубине.

Человек — хозяин своей судьбы. Только он может решить свои собственные проблемы. Каковы же его возможности?

В современной космологии существует антропный или антропологический, принцип (от древнегреческого *anthropos* — человек)², по которому вся обозримая Вселенная, Метагалактика, эволюционировала в сторону создания мыслящего существа на Земле (и, наверное, на других планетах около других звезд), человека, через посредство которого материя осознает сама себя и сознательно регулирует свое последующее развитие. Интуитивно мудрые древние греки считали поэтому человека микрокосмом — воплощением и повторением в миниатюре большой Вселенной, макрокосма. Человек соизмерим не с Землей, а со Вселенной.

Возрождение в XX веке такого движения мысли было стимулировано и некоторыми практическими свершениями человека — прежде всего выходом его в космическое пространство. Вскоре после запусков первых космических кораблей возник образ «космического корабля Земля»; сам земной шар был уподоблен огромному космическому кораблю с миллиардами «космонавтов» на борту.

Этот грандиозный принцип и не менее грандиозный образ породили, однако, и некий фатализм. Стали говорить о предопределенности человеческого поведения и человеческой истории, о развитии событий в соответствии с «космическим кодом», заложенным в человека самой Вселенной или, быть может, Богом³. Действительно, человечество в сильнейшей степени зависит от природы, и ее катаклизмы — потопа, извержения вулканов, землетрясения, оледенения, оскудения, сами возникающие чаще всего под воздействием космических факторов, — уничтожали целые цивилизации и приводили к великим переселениям народов, и сегодня, в преддверии глобального экологического кризиса или даже эколо-

гической катастрофы, человек зависит от природы в огромной степени. Но в отличие от прошлого он сам создал такую ситуацию. «Космический код» ничего ему не диктовал. Так что, принимая как истину величие человека и его «космическое» измерение, необходимо сменить фатум ответственностью.

Фатализм величия родствен фатализму отчаяния. Недаром американский публицист Джонатан Шелл в своем впечатляющем бестселлере «Судьба Земли», говоря об угрозе ядерной войны, с горечью констатировал, что общество, закрывающее глаза на такую угрозу и не делающее решительных шагов к своему спасению, «не может быть названо психологически здоровым»⁴. Поэтому оба вида фатализма суть мании, будь то мания предопределенного величия или мания притупленного страха. И снова и снова выскажу предположение, проецируя парадигмы века нынешнего на век грядущий, что историкам будущего будет небезынтесен этот феномен общественной патологии.

Вернемся к здоровому образу мышления, хотя некоторые соображения мыслителей XX века о практически бесконечном и поистине вселенском потенциале человека могут показаться фантастическими, а для прагматичного человека — бредовыми. Но речь пойдет не о мании, а о провидческих догадках, раскрывающих действительное величие человека.

Тейяр де Шарден писал о человеке не просто как о земном существе, а как об «оси и вершине эволюции, что много прекраснее», как о «центре конструирования универсума» (а ведь тогда еще не был сформулирован космологический антропный принцип). Сумма человеческих разумов, по Тейяру, сольется когда-нибудь в единый могущественный интеллект, который он называл «точка Омега» по последней букве древнегреческого алфавита, ибо что будет дальше после такого апофеоза, он не знал⁵.

В те же межвоенные годы, на которые в основном приходится творчество Тейяра, и даже раньше К. Э. Циолковский, «философ космоса» и основатель теоретической космонавтики, говорил о «лучистом человечестве»: в неимоверно далекой перспективе, через многие миллиарды лет, человек перестанет нуждаться в телесной оболочке и будет существовать в форме лучистой энергии, исполнив интеллектom все уголки мироздания⁶.

А уже в наше время советский философ Э. В. Ильенков, временно ушедший из жизни, выдвинул гипотезу о том, что грядущее человечество, так или иначе, неразумно или разумно эксплуатируя природу — сегодня из Земли, а завтра в космосе и во всей Вселенной, — концентрируя энергию для своих нужд и тем самым увеличивая энтропию (энергетическое обеднение) в мироздании в целом, в конце концов совершит сознательный и жертвенный акт самоуничтожения, чтобы высвободить присвоенную энергию и дать начало новым мирам, которые тоже породят со временем мыслящий дух, и этот процесс будет повторяться вечно¹.

Разумеется, такая гипотеза представляет собой скорее игру мысли, поэтическое обыгрывание космологической теории осциллирующей Вселенной — возвращения Метагалактики в свое первоначальное состояние «галактического яйца». В социально-историческом и психологическом отношении мы наблюдаем здесь, наверное, рецидив восприятия времени как кругового, циклического, восприятия, свойственного человеку вплоть до средневековья, восприятия, в соответствии с которым вся природа тоже живет кругами, сезонами, сутками, отчего и прогресс человеческий казался столь медлительным вплоть до Нового времени. Мышление линейным, то есть действительным, временем и сверхдальняя футурология пока затруднительны для человека. Кроме того, вряд ли идею тотальной жертвенности и самоуничтожения, пусть и мотивированную космологически, можно назвать гуманной.

И все-таки какие непостижимо грандиозные масштабы мышления отличают всех перечисленных нами авторов! Они оперируют миллиардами лет и верят в космическое будущее человека. Такая вера, безусловно, имеет актуальное значение как мировоззренческая альтернатива экологическому алармизму — идеологии тревоги, паники и неверия в способности человека удержаться на нашей планете хотя бы еще несколько десятков лет.

Ничто не имеет смысла, если не имеет смысла в конечном счете. Тот, кто думает лишь о судьбе уже родившихся детей и внуков, — человек, конечно, заботливый. Но он мыслит лишь образами, лицезрея действительно родившихся представителей следующих поколений. А дальше? Дальше — абстракция. Он не ушел слишком далеко от Homo sapiens первых стадий его развития,

который не умел мыслить иначе как конкретными образами и которому сверхдалекое грядущее было просто безразлично. Человеку конца XX столетия и второго тысячелетия — не безразлично. Хотя он и прибавляет себе забот и головной боли, борясь за судьбу грядущих поколений.

Когда человек приобретает новое видение настоящего, то и прошлое, как алмаз, раскрывает перед ним все новые и новые грани. Из наследия прошлого люди XX века берут и переосмысливают многое, делая его тоже ценностью своего времени. При этом возникают, так сказать, нетривиальные ситуации. Например, теперь несколько иначе может восприниматься критика Энгельсом — в его произведении с категорически негативным заглавием «Анти-Дюринг» — взглядов немецкого философа Евгения Дюринга, который, как и более поздние мыслители, соединял мировоззренческие и философские вопросы естествознания с социологией и человеческой историей. Дюринг говорил о «равновесном самому себе состоянии» Вселенной в далеком прошлом, то есть о том, что сейчас космологи называют «галактическим яйцом», или сингулярностью (странностью), — состоянии, когда не действовали известные нам законы физики. Он предлагал применять понятие «композиция», а не «развитие» по отношению к органическому миру в целом. И сейчас действительно говорят об экологических системах и «матрице» всей биосферы, сложенной из взаимозависимых компонентов. Он говорил о единстве материальной Вселенной и человеческой «вселенной ощущений». И теперь говорят о том же, возрождая, как мы упоминали, древнюю идею единства макро- и микрокосма. Он называл социализм «естественной системой общества», как называют его многие современные социалисты и коммунисты. Наконец, он говорил о «чисто публицистическом отношении к природе» при социализме. Сегодня мы являемся свидетелями или участниками множества экологических митингов, читателями или авторами массы публицистики на экологические темы. Все эти соображения Дюринга Энгельс высмеивал¹, на мой взгляд, напрасно, хотя в других социально-экономических вопросах Дюринг, конечно, был вполне уязвим для критики.

Между прочим, упоминавшийся нами Игорь Клямкин тоже замечает, что реальный социализм XX века возник и развивается не

по Энгельсу, а по Дюрингу: он, социализм, имеет армию, полицию, суды, жандармерию. Дюринг утверждал, что этот аппарат насилия сохранится при социализме, Энгельс — отрицал⁹. Дюринг оказался прав потому, что социализм не оказался всемирным и должен был развивать и укреплять свои государственные средства защиты и принуждения. Правда, в этом деле он дошел у нас, как уже говорилось, до бонапартизма и тоталитаризма, что уже не было обязательным. Однако здесь, и это можно сказать с уверенностью, ни Энгельс, ни Дюринг не предполагали первоначального пришествия социализма лишь в одну страну, притом далеко не самую передовую в социальном и промышленном отношениях. Не предполагали они и неопределенно долгого сосуществования социализма с капитализмом.

За полвека до полемики Энгельса с Дюрингом жил и творил Шарль Фурье. Помимо проблем социализма Фурье занимался проблемами космологии и тем, что мы назвали сверхдальней футурологией. Он также тесно объединял свои гипотезы о развитии природы и о развитии человечества. Правда, его естественнонаучные представления наивны с современной точки зрения. В одном из своих центральных трудов «Судьбы мира и человечества»¹⁰ он утверждал, что земные полюсы опрокинутся к экватору, Земля перестанет вращаться вокруг своей оси, начнет падать к Солнцу и рассеется в Млечном пути, причем «путь жизни на земном шаре» определен им всего-навсего в 80 тысяч лет.

Гораздо интереснее его социологические выкладки. Периоды развития человечества у него совершенно симметричны: все начинается с дикости и кончается ею же, а между варварством и гарантизмом (строим, гарантирующим благополучие граждан) располагается современная ему цивилизация. Поздняя цивилизация будет располагаться в обратном порядке — между гарантизмом и варварством, тоже поздними, то есть будет иметь обратную и жутковатую тенденцию. Построения эти, конечно, искусственны. Но вот некоторые конкретности: «Поздняя цивилизация будет более умеренной благодаря знакомству с утраченным...»; гарантизм «сильно уменьшает революции и нищету»¹¹. В конце XX века мы, по Фурье, уже живем в гарантизме — в мире с умножающимся числом правых государств, внешним благополучием и относитель-

ным техническим комфортом, достигнутыми, правда, за счет обеднения и деградации природы. И вот эти-то потери в природе как раз и заставляют позднюю цивилизацию быть «более умеренной благодаря знакомству с утраченным».

Итак, сложное человеческое существо, вобравшее в себя мудрость Вселенной и обедневшее на собственной планете, движется к своему будущему. Оно дангалося к нему всегда. Но никогда еще человечество не знало столь досконально своих творческих возможностей и никогда ему еще не грозило пресечение нити бытия не отдельных человеческих индивидов, что вполне естественно, а всего человеческого рода — «смерть вторая», выражаясь языком Откровения Иоанна Богослова (2, 11; 20, 6, 14; 21, 8). В этом широчайшем спектре с двумя колоссальными крайностями предстоит прокладывать путь жизни, ориентируясь на творчество, соразмеряя идеалы с реальностью, вырабатывая новые ценности.

КОММУНИТАРИЗМ

Многие исследователи на Западе категорически утверждают, что в последние десятилетия XX века люди потеряли ценностные ориентиры и идеалы. Если раньше они верили в судьбу и рок, а потом в силу и мощь научно-технической революции, то теперь они разуверились и в том и в другом. Так считает швейцарский социолог Армин Баумгартнер, который заключает: «Все более распространяется чувство утраты смысла существования»¹. О том же пишет американский нейрофизиолог Роджер Сперри: современное общество поражено «социальным неврозом утраты ценностей». Как медик он претендует и на рецепт излечения, каковым у него выступает необходимость следовать «высшей мудрости природы», исполняющей «замысел творения»². Французский философ и писатель Мишель Анри, исходя из этих же печальных констатаций, называет современное общество «варварством нового типа» и тем самым отождествляет с нашим временем ту самую стадию, которую Фурье относил к далекому закатному будущему человечества.

Анри делает еще одно важное замечание: цивилизация, стоящая на пороге «нечеловеческого мира», поскольку она оторгла себя от природы, начинает существовать независимо от приобре-

теиной за века и тысячелетия культуры и вопреки ей³. Общество выходит из повиновения самому себе, точнее, тому своему состоянию и облику, которые сложились в итоге долгой социальной истории. Конечно, формы неповиновения бывают разные. Есть и патологические, антиобщественные в принципе, противопоставленные всякому обществу — и настоящему и будущему. Это — мафия, терроризм, коррупция, наркобизнес, рэкет, вообще организованная и неорганизованная преступность, ставшие бичами XX века. Они достойны лишь осуждения и пресечения, и не о них у нас пойдет речь.

Американский экологист и глобалист Брю Стоукс призывает отвернуться от централизованных бюрократическо-технократических структур и всяческих корпораций, жить малыми общинами или отдельными семьями на полном самообеспечении, используя естественное солнечное тепло и плодородную почву⁴. Такая локализация и децентрализация, по-видимому, граничит с распадом общества, приближая нас — через «неонатуральное» хозяйство — к фурийской «поздней дикости». Но уже упоминавшийся мной Баро, выступающий против любого индустриализма, так не считает. Он расценивает общинное и семейно-общинное движение как социалистическое и коммунистическое, призывая ликвидировать, в качестве средства существования, всякую работу по найму, а значит, и эксплуатацию чужого труда⁵. (Не сказалось ли на нем юношеское воспитание в социалистической ГДР, откуда он эмигрировал в ФРГ?) Это, по его мысли, уже не деформация общества с перспективой его распада, а совершенно определенная общественная формация. Добавлю, однако, что вряд ли людям легко будет отделаться от найма, но в будущем он будет называться иначе, а главное — иметь иное содержание: ассоциация по взаимодополняющим профессиям или по объединяющим интересам.

Нельзя сказать, чтобы все вышеперечисленное было только теоретическими выкладками. Проводятся и научные эксперименты, доводящие замкнутость «натурального бытия» до автономного пользования даже воздухом и водой. В пустыне Хила в Аризоне (США) сооружается Биосфера-2 — физически изолированное от внешнего мира помещение, содержащее внутри себя участки дождевого тропического леса, саванны, болота, морской и пресноводный водоем

мы, домашнюю птицу и мелкий скот. С осени 1990 года там поселятся на два года восемь человек, «биосферян», которые будут обеспечивать свою жизнь лишь воссозданной а этой оранжерее природой и дышать воздухом, который будет регенерироваться помещенными там растениями, поскольку сооружение будет загерметизировано и, помимо информации, только солнечный свет и тепло будет поступать сквозь его прозрачные стенки⁶. Идеальное самообеспечение по Стоунсу! Больше того, восемь биосферян будут в течение двух лет первыми человеческими автотрофами, по Вернадскому, ничего не изымающими из Биосферы-1, то есть живой природы Земли, кроме первоначально введенных в сооружение элементов живого. Этот проект преследует, конечно, прежде всего научные цели, создавая прототип будущих человеческих поселений в космосе. Но и идей экологизма он тоже не чужд.

Однако намного более массовым стало движение, не уводящее от первоизданной природы, а, напротив, приводящее к ней. «Зеленые», экологи, энвайронменталисты — это прежде всего люди дела, а не только теоретики и пропагандисты. В 70-е и 80-е годы в промышленно развитых странах Запада и Востока прошла волна «возвращения в природу», когда студенты, представители интеллигенции, лица свободных профессий и «необродяги» хиппистского типа, в большинстве молодежи, хлынули из городов в сельскую местность, чтобы жить там коммунарами, вне старого мира «буржуазных институций».

Австрийский зоолог и всемирно известный этолог Конрад Лоренц, недавно умерший (в 1989 году) в преклонном возрасте, всячески приветствовал такие «альтернативные способы жизни и поведения». «В восстании молодежи против потребительского общества, — писал он, — я вижу явные элементы интеллигентного рационализма, активно противостоящего иррационализму, алогизму и абсурдности, культивируемым этим обществом». В этом движении Лоренц усматривал «зачатки зарождения новой, нерепрессивной, гуманитарной культуры»⁷. Звучит почти по-социалистически. Настораживает одно: Лоренц как этолог всегда ставил в пример людям поведение животных, их специфическую социальность, основанную на строгой иерархичности и выживании сильнейшего. Так что «натурализм» Лоренца имеет, по-видимому, мало общего

с «натурализмом» молодого Маркса, который не мыслил его в отрыве от гуманизма, притом «завершенного».

Впрочем, волна «возвращения в природу» разбилась об устои тех самых «буржуазных институций», против которых она поднялась. Одни общинники, или коммунары, вписались в аграрную капиталистическую практику. Другие вернулись в города, после того как заскучали, выказав неспособность к жизни на селе или даже испытав на себе силовую иерархию уголовного типа (так сказать, человеческий вариант животной иерархии), которая установилась в некоторых общинах.

Тенденция, в чем-то схожая с «возвращением в природу», существует и в СССР. Ее скорее можно назвать «возвращением в деревню». В данном случае сильны не только экологические, но и экономические мотивы, поскольку стране необходимо решить продовольственную проблему, созданную слишком централизованным и в свое время насильственно коллективизированным сельским хозяйством, потерявшим ввиду этого своих умельцев и рачительных хозяев. «Возвращению в деревню» способствует к тому же укрепление авторитета и самостоятельности местных Советов, большинство которых — на селе.

Однако и у нас наблюдались симптомы болезненного проявления миграции интеллигенции из крупных городов в малые поселения, не имеющие, правда, отношения к сельскому хозяйству. В научном городке Пушкино-на-Оке, построенном во вполне пригодной для проживания и живописной местности, в первые годы число расторжения браков и самоубийств было значительно выше среднестатистического уровня по стране. Видимо, сказывалась неспособность к жизни сравнительно малыми коллективами и укоренившаяся привычка к динамичной и разнообразной жизни в мегаполисах, крупных и крупнейших городах.

Чрезмерная урбанизация — одна из многих экологических бед нашего времени. Она трансформировала самого человека, выведя «породу горожан», для которых урбанизированная среда стала естественной, хотя она укорачивает жизнь, вызывает неврозы и стрессы, увеличивает вероятность сердечно-сосудистых и раковых заболеваний. Так что на пути к свободным и малым ассоциациям будущего труднопреодолимой преградой встал *Homo urbis* —

«человек городской». Хотелось бы надеяться, что этот тип существования впишется в грядущее «ассоциативное» человечество, внося свою лепту в его разнообразие.

Тем не менее специалисты, публицисты и просто люди модернизированной, стандартизированной и урбанизированной цивилизации с ностальгией по гармоничному, но, конечно, идеализированному прошлому приглядываются к этническим или религиозным группам, веками жившим в социальной, культурной и хозяйственной изоляции. Этнографов и фольклористов потрясает живая память о степных просторах и «ковыль-траве» Киевской Руси в сказаниях крестьян и поморов Севера⁸. Разбросанные по всему Северу, Сибири и Востоку СССР, захватывая даже Аляску, староверы начинают привлекать к себе завистливое внимание благодаря своей крепкой нравственности и здоровому образу жизни, пусть и признанному традициями домостроя. Таким же образом возбуждают любопытство и мормоны в США.

Локалистские, а порой и сепаратистские движения современности имеют, разумеется, не только экологический или экономический характер. Очень часто они приобретают национальную или религиозную направленность.

Малые нации опасаются быть поглощенными большими, большие — раствориться в малых. Последнее выразилось, например, в появлении тенденции к русской самоидентификации — явлению отличном от великорусского шовинизма прошлого и в принципе противоположном ему. Нации стремятся сберечь или обрести культурную, историческую, хозяйственную самобытность, хотя существующие и действующие в этом направлении организации нередко сбиваются на национализм.

Возрос нравственный и политический престиж религий. В Латинской Америке среди верующих господствует «теология освобождения», направленная на достижение социального равенства и подлинной национальной независимости стран этого региона. В Великобритании почти всю вторую половину нынешнего века противостоят между собой ирландотяготеющее католическое меньшинство и англотяготеющее протестантское большинство Ольстера. Исламская революция в Иране оказалась неожиданной для остального мира формой обретения национального облика бывшей

шахской империей, связанной путями военных блоков и транснациональных корпораций. Русская православная церковь вместе с представителями других конфессий, существующих в Советском Союзе, участвует в реставрации таких категорий и ценностей, утраченных за десятилетия культа Сталина и брежневского застоя, как милосердие, покаяние, духовность, служение долгу, упрочение семьи, которая со времени своего возникновения была и остается — как признают вместе с Энгельсом все марксисты и подавляющее большинство немарксистов — первичной ячейкой любого общества, разлагающегося с ее распадом. Наверное, мировые религии, имеющие авторитет тысячелетий и впитавшие в себя житейский опыт многих поколений, лишь облаченный в одежды религиозности, частично заполняют вакуум ценностей, образовавшийся в конце XX века.

Сегодня наблюдается не только бурный рост национального самосознания в мире и одновременно взрыв национализма, но и придание тому и другому религиозной окраски. Это явление представляется на первый взгляд странным зигзагом истории на пути к единой всемирной цивилизации, которая во многих своих аспектах, можно считать, уже сформировалась. Видимо, здесь сталкиваются две противоречивые тенденции — к локализации и индивидуализации бытия, с одной стороны, и к его выравниванию и единообразию на общемировом уровне — с другой. Об этом мы еще скажем ниже. А сейчас — несколько слов о собственно национальной проблеме, значении национальных истоков для каждого человека и о межнациональных конфликтах — этом консенсе цивилизованного человечества, тем более что эта проблема чрезвычайно обострилась в конце 80-х годов и в Советском Союзе.

Сегодня редко увидишь человека в национальном костюме, разве что во время национального праздника или на театральных подмостках. Человек, владеющий только родным языком, практически лишает себя доступа к мировой или даже широкорегиональной культуре, науке, просто информации.

Но национальная, этническая, расовая принадлежность — это конкретное выражение самоидентификации индивида, живое воплощение его связей с историей, со своими предками, проявление его собственных привычек, темперамента, склада характера и ук-

лада быта. Это — часть культуры, и стремление к национальному возрождению надо только приветствовать, как оживление и поднятие культуры в целом. Воспользуемся этим утверждением и в порядке небольшого «лирического отступления» поведем читателя об авторе этой книги, не имеющему, правда, в своем происхождении ничего экзотического или романтического. Наверное, «вспомнить себя» не мешает каждому. Автор происходит от обрусевших украинских предков, мещан, православных. Дед по отцовской линии родился в городе Василькове Киевской губернии в семье «отставного учителя-офицера». Фамилия «Школенко» заставляет думать о кантонистском ее происхождении — из тех самых поселенческих военнизированных школ, введенных на Русь еще Петром Великим, где обучались дети старослужащих. Греко-латинское слово «школа» распространялось и на фамилию учеников — «Школьники», «Школьников», а в украинском варианте «Школенко» (немцев «кантонист», военнообязанный, а фамилиях не прижились).

Ничего необычного в этом сюжете из автобиографии нет. Ведь каждому интересно свое происхождение — и человеку, и народу. Русским должны быть интересны их истоки, былинное сочетание силы и доброты, которые никак нельзя отрывать друг от друга. Евреям независимо от места жительства, языка и культуры — их палестинское происхождение, их древнейшая религия, иудаизм, легший ветхозаветным фундаментом в христианство, которое распространилось по миру в качестве «религии цивилизации»; цыганам — их индийская прародина и их тогдашнее кастовое и профессиональное положение; татарам — история зарождения вонгелей-кочевников, пришедших из Восточной Азии и там же бесследно исчезнувших, насквозь пронизавших Русь и достигших Средиземноморья в районе современного Триеста, владычествовавших в Индии и споткнувшихся о пяти тысячекилометровую Великую китайскую стену, на сооружение которой, пожалуй, не хватило бы современного китайского бюджета. Немцы, англичане, французы, скандинавы, видимо, никогда не потеряют интереса к переселениям арийских племен, хотя этот здоровый интерес и пережил болезнь нацизма. Малые народы Севера всегда мудро и бережно хранили и хранят свои традиции, сказания, легенды. Индусы, сли-

баясь со своим народом, обогащает из вечных, неиссякаемых родников его культуры свою скромную личную биографию, соединяет тем самым в одно целое свои малые и большие (своего народа) ценности. В этом состоит позитивный момент наблюдаемых ныне движений национального возрождения в нашей стране.

К движениям национального, религиозного, экономического типа примыкают самые разнообразные и разноплановые движения — культурологические, историковедческие, молодежные, ветеранские, даже оккультистские, участники которых верят как в бога в экстрасенсорные способности человека. Возникают зародыши политических партий. Таков реальный плюрализм движений, организаций, интересов, мнений, вкусов и стилей.

Подобного рода движения и объединения называют у нас неформальными. Название неудачное, ибо в таком случае другие, традиционные движения и организации, выглядят как «формальные», то есть лишённые творческого начала. Было бы вернее называть эти движения самостоятельными.

Конечно, во многом они носят стихийный характер, в некоторых из них присутствует изрядная доля экстремизма, митинговости, популистских замашек. Именно эти негативные моменты первоначально породили настороженное и даже тотально отрицательное отношение к «неформалам» не только со стороны властей, но и определенных слоев общественности, особенно городских и сельских тружеников (из производственных сфер), предубежденно настроенных против «интеллигентских штучек».

Однако не только негативные свойства характеризуют деятельность «неформалов». Их отличает также и стихийное творчество, пусть подчас наивное и неумелое. Они изобретают, и небезуспешно, новые формы демократического участия населения в постановке и решении животрепещущих проблем гражданских прав и инициатив, экологического выживания, культурного развития. Традиционно-бюрократические формы социальной жизни выглядят по сравнению с такой деятельностью далеко не выигрышно.

Феномен «неформальности» требует не отмахиваться от него, а изучать его и с пониманием воспринимать. Человек устал от тоталитаризма, униформизации и стандартизации — всех этих признаков технократизма и технологического рационализма. Он стремится

к разнообразию и индивидуализации жизни. Быть может, взлет социального локализма и децентралистских тенденций в конце XX века есть одно из выражений подсознательного стремления человечества к самосохранению, ибо ему нужно, как мы говорили ранее, многообразие не в меньшей степени, чем остальной природе.

Стандартизация, однако, продолжается и распространяется. Сегодня на земном шаре нет уголка, куда бы не проникла некая американизированная культура с ее атрибутикой — стилизовано-небрежной одеждой, развлекательными фильмами, рок-музыкой. Я совсем не против такой атрибутики. Но вот что симптоматично. Я не случайно сказал «американизированная», а не американская культура. Тот стандарт и стереотип ее, который существует повсеместно, исчезает в самих Соединенных Штатах Америки. Там любят скромную и невызывающую одежду, пуританский стиль жизни, музыку кантри, сооружают новейшие, но заведомо старомодные памятники, лелея свою историю — столь короткую, всего 200 с лишним лет. В этом и состоит парадокс современной внешней ценности — глобальной массовой культуры, которая утратила корни в стране своего происхождения и блуждает по миру и которой противостоит целая гамма национальных, локалистских, сепаратистских, индивидуалистских движений повсюду в мире.

Это явление наднациональной, а точнее, вненациональной, культуры чрезвычайно сложно и требует, как и отношение к «неформалам», не столько осуждения или по меньшей мере печально-вынужденного притяия, сколько осмысления и анализа, тем более когда мы рассматриваем культуру в контексте ценностей.

По-видимому, стандартизация и универсализация культуры на ее массовом уровне сродни стандартизации и универсализации предметов современной техники, одежды, быта. В самом деле, все эти предметы «космополитичны», они единообразны в любом государстве и регионе, хотя каждый из них явился на свет в определенное время и в определенном месте. Но это значит, что так называемая массовая культура развивается не по законам культуры, а по законам технологии. Всякое подлинное искусство индивидуально (в средние века даже изделия прикладного назначения, изготовленные ремесленником-индивидуалом, тоже во многом были

предметами искусства). Всякая подлинная культура национальна. Именно эти качества индивидуальности и национальной принадлежности превращают шедевры искусства и культуры в мировое достояние (Генрик Ибсен трогательно заблуждался, будучи убежден, что его глубоко норвежским «Пер Гюнтом» никогда не заинтересуется остальной мир). Что же касается некоторых видов массовой культуры с ее обозначенными иными свойствами, то они столь же эфемерны и преходящи, как и виды техники и единообразного бытового окружения: они очень быстро и непрерывно сменяются другими видами.

Так что феномен стандартизации, универсализации, униформизации в широком диапазоне от техники до культуры тоже условно можно отнести к ценностям — ценностям обихода, комфорта, моды. Но, само собой разумеется, эта ценность текуча, динамична, ее никак нельзя отнести — в неизменном, застывшем виде — к вечным ценностям, к которым относятся, например, египетские пирамиды, греческая и римская скульптура, живопись Возрождения, русская литературная классика и многое другое. Что ж, эфемерные ценности, непрестанно меняющие свой облик, подобно древнегреческому божееству Протею, тоже существуют и существуют постоянно, как постоянен был и сам Протей как таковой.

Вот сколько в сегодняшнем мире разнородного и противоречивого. Может сложиться впечатление, что мир оказался вконец запутанным. Так оно и есть в значительной мере. Но вернемся к общинной идее и еще раз обратим внимание на одно интересное обстоятельство. Все общинники и коммуны либо прямо называют предлагаемые и создаваемые ими общины социалистическими, либо молчаливо исходят из того, что они именно таковые, то есть основаны на принципах социальной справедливости. Рудольф Баро, как мы отмечали, упоминал в контексте своих идей о М. С. Горбачеве и новом мышлении эпохи перестройки в СССР. Назовем еще одного автора, из другого региона планеты и другого духовного мира, который делает то же самое.

Речь идет о Бхагване Шри Раджнише, индийском «просветленном учителе». Он тоже считает, что люди должны жить коммунами. При этом размеры каждой коммуны должны быть такими, «чтобы все ее члены знали друг друга», тогда будет положен ко-

нец «чудовищам больших городов»⁹. В таких коммунах, по замыслу Раджиниша, люди будут обучаться «искусству жить» на принципах всеобъемлющей любви и «искусству умирать» с помощью не менее всеобъемлющей медитации. Программа эта обща и по-восточному сказочно-витиевата, но пожелание о том, чтобы члены коммуны знали друг друга, выражает в несколько наивной форме чаяние всех коммунистаристов, что, в свою очередь, выражает стремление к конкретному единству всего человечества, уставшего от абстракций, в том числе и от абстракции самого понятия «человечество». Книга завершается «Специальным посланием Горбачеву», где Раджиниш предлагает создать коммуну своего типа в СССР, которая стала бы моделью для всей страны. Что ж, пусть он думает так.

Но что думаем мы? Общинная идея в России восходит к народничеству. Идеейными предшественниками народничества были русские революционные демократы — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Д. И. Писарев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. И например, взгляды Герцена и Чернышевского могут быть иные, как нам представляется, подвергнуты такому же переосмыслению, как концепция цивилизации и гарантизма Фурье или слишком тотальная критика Энгельсом воззрений Дюринга.

Герцен, Чернышевский, а позднее народники считали крестьянскую общину в России готовой формой для будущего социалистического устройства страны. Эти, по-видимому, последние во всемирной истории социалисты-утописты заблуждались насчет способности крестьянства реализовать социалистическую, а вслед за ней и коммунистическую идею. Реализатором стал пролетариат — единственный класс в антагонистическом обществе, который заинтересован в упразднении всех классов, в том числе и себя как класса, как это открыли Маркс и Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии»¹⁰.

Но теперь, когда перспективы социализма утратили свою мнимую определенность, наверное, есть смысл по-новому взглянуть и на общинную идею русских революционных демократов.

Правда, старая русская община была разрушена восходившим капитализмом, а потом окончательно искоренена не только из практики, но и из памяти сельских труженников централизованной и принудительной коллективизацией. Но теперь нужна не старая,

а современная, цивилизованная община — так сказать, постиндустриальная община. А многотысячелетнее, опытное и позитивное старое — именно позитивное, объединяющее, а не разъединяющее людей, природосберегающее, а не природоразрушающее — вполне способно с помощью исторической науки быть отреставрированным, как реставрируются памятники искусства и исчезающие живые виды.

Такой замысел может показаться искусственным, надуманным. Однако не следует забывать, что идея коммунизма есть итог и наследие идейных борений прошлого, а такая форма коллективизма, как община, практически восходит к утренней заре человечества, к первобытному коммунизму. И неистребимым духом коллективизма, нашей поистине национальной черты, веет от строк, записанных в самом конце прошлого века в энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Хотя неимоверные подати и повинности заставляли крестьян покидать землю и уходить из общины, община не распалась совершенно, потому что основы ее существования лежали в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и даже в своей родной кровной семье хочет видеть общину, товарищество»¹¹.

У Маркса есть высказывание, специально относящееся к русской общине и определенно связывающее общину с социализмом. Это — его наброски ответа на письмо народницы Веры Засулич (1881 г.): «...В России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе». Если бы все и всяческие усилия, продолжает Маркс, «были употреблены на дальнейшее развитие сельской общины, то никто не стал бы теперь раздумывать насчет «исторической неизбежности» уничтожения общины: все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя»¹².

Какая уйма мыслей! Не все прогрессивно, что таковым кажется, и не все неизбежно, что опять-таки таковым кажется. У России был исторический шанс соединить далекое прошлое с обозри-

мым будущим, предоставлялся редкостный случай живой смычки традиции первобытного коммунизма с тенденцией коммунизма непровыбытного. В этом и состояли исключительность и превосходство Россин. Пусть не пугают такие слова, ибо исключительными были обстоятельства, а превосходство было бы обеспечено, если бы «строители социализма» проявили скромность и поставили перед собой задачу: не придавая социализму всемирности, явить миру наш образец, пользуясь нашей уникальностью. Умница Маркс!

Вот что означает общинное товарищество. Говорим это для тех, кому не авторитетны Брокгауз и Ефрон, но кому остается авторитетным Маркс и уж во всяком случае кому должно быть ведомо, что дискуссии на сей счет продолжаютс и что вопрос этот еще не снят с повестки дня истории. Декрет о земле 1917 года, сметенный сплошной коллективизацией, возрождается в Законе о земле 1990 года. Пробуждается не только частная инициатива, но и подлинная, ненасильственная кооперация.

Элементы первобытной системы ассоциаций и духа коллективизма не исчезли с исчезновением первобытного коммунизма, они просуществовали века, как память о киевской «ковыль-траве» у северных поморов», и могут быть «вмонтированы» в цивилизованный коллективизм нашего времени.

Коллективизм, уходящий корнями в седую даль времени, возник из необходимости совместно охотиться на крупных и опасных животных, когда охотник-одиночка был обречен на неудачу или гибель. Конечно, крупные и опасные дикие животные безвозвратно ушли в историю как основной и даже единственный объект, обеспечивающий пропитание и изготовление теплой одежды. Но в иносказательном смысле «крупные и опасные животные» будут сопровождать человека всегда в виде сложных технических устройств и сооружений, которыми окружает себя цивилизация. И всегда коллективизм дает и будет давать кумулятивный, кооперативный, синергетический эффект, поскольку сила коллектива есть нечто гораздо большее, нежели простая сумма сил составляющих его членов.

Итак, мы попытались изобразить хотя бы несколькими штрихами всю гамму движений и умонастроений, переоценок прошлого и прогнозов на будущее, сфокусированных, однако, на нечто единое — на возрождение индивидуальности человека и на разумное

сотрудничество, ассоциацию индивидуальных людей. Для чего нам были нужны эти штрихи и поиски единства в них? Ведь в каждой картине должен присутствовать замысел, иначе картина распадается или не достигает ни сердца, ни рассудка.

Отойдем, как в настоящей картинной галерее, подальше от этого огромного полотна, чтобы обозреть его как целое. И за разноплановыми, порою вычурными мазками я вижу старую и стилизованную коммунистическую идею социальной справедливости и счастья людей Земли. Пока теоретики теоретизировали, коммунизм, как я думаю, незаметно, скрываясь за плюрализмом групп и движений, сам приближается к нам как продукт творчества масс. Здесь тоже, как в изобретении Советов и во многом другом, за массовым творчеством — последнее слово. И оно корректирует выкладки теоретиков.

БЕЗОПАСНОСТЬ VERSUS ГАРМОНИЯ

Прежде чем объяснить этот странный подзаголовок, подведем некоторые итоги и развернем наше сделанное только что, быть может рискованное, утверждение о коммунизме.

Мир XX века сложен и мозаичен. Он как бы распадается на великое множество структур, течений и идей. Не пребывают в неподвижности и две главные социальные системы, на которые обществоведы и средства массовой информации привыкли делить земной шар. Трансформируется капитализм, давая миру ценности японской техники и технологии, американской демократии, умение совладать в промышленно развитых странах с кризисной экологической ситуацией (американо-канадскими усилиями очищены Великие озера, исчезли лондонские смоги и токийская бензиново-выхлопная атмосфера) и парировать другие анды кризисов, столь обильные в прошлом веке и в первой половине нынешнего — экономические, военные, общие. Капитализм времен Маркса «Капитала» и Энгельсова «Положения рабочего класса в Англии» канул в вечность. Перестраивается и социализм, избавляясь от претензий на свою скорую всемирную универсальность, от однопартийного и государственного диктата над своими гражданами и волюнтаристского «планирования» вещей и людей.

В 20-е годы, в те времена, к которым теперь охотно обращаются лидеры и аналитики советской перестройки, в стране между государственными деятелями шла философская по сути дискуссия о принципах планирования социалистического хозяйства. Существовали две школы: «генетическая», сторонники которой призывали исходить из реальных тенденций развития и скорее не планировать, а прогнозировать, и «телеологическая», чьи приверженцы предлагали руководствоваться «интуицией» руководящих верхов и отрицали применимость к социализму законов политэкономии¹. Возобладала вторая школа, и высшим выражением ее доктрины в сфере межчеловеческих отношений стал сталинский тезис об «инженерах человеческих душ». Так он называл писателей, вместо того чтобы считать их выразителями и, в лучшем случае, воспитателями человеческих душ. Но этот его тезис оказался тотальным и всеобъемлющим.

Души не хотят инженеров, как восстали они против «скульпторов наций» в годы второй мировой войны и восстают сегодня против «садовников», не изживших в себе сталинизм. На первых реально демократических (в сравнении с прежними) выборах в СССР в марте—мае 1989 года победило немало индивидуальностей, которые стали государственной ценностью. Народные депутаты обрели лица.

Души, как мы неоднократно констатировали, индивидуализируются, а человечество устами, писаниями и действиями многих своих представителей стремится рассредоточиться по коммунам, будь то территориально-локальные или духовно-культурные. Оно действует «внесистемно», в смысле маргинальных, побочных акций и побуждений, не вписывающихся ни в существующий капитализм, ни в существующий социализм. Сторонникам старых доктрин из обеих систем это может показаться распадом человечества. Даже теория «конвергенции» двух систем разлетается в пух и прах. Но по всей этой мозаичности прослеживается и единство, то, что мы условно поименовали как коммуитаризм, отнюдь не чуждый коммунизму. И еще раз подчеркнем факт симптоматичного внимания коммуитаристов к перестраиваемому социализму. Они ищут поддержки и как бы чего-то ждут от страны, предпринявшей первую попытку реализации идеалов социальной справедливости.

В самом деле, идея коммунальной организации человечества предполагает, что ассоциированный труженик будет не только технологически соединен со средствами производства (технологически работник не отделялся от них никогда), но и социально воссоединен с ними. Он становится и будет их собственником, что исключает эксплуатацию чужого труда, если он по-прежнему будет сам использовать их в процессе труда. Разделение же людей внутри ассоциаций — лишь функциональное, лишь профессиональное. При капитализме происходит как раз наоборот: работник лишь технологически соединен со средствами производства, он — не их собственник, и поэтому разделение людей, помимо функционально-профессионального, есть также и прежде всего социальное разделение. То же самое наблюдается и при государственном, то есть не подлинном, социализме, когда собственность лишена ассоциативного характера, когда она выступает как тотально и абстрактно общественная, ными словами, как государственная собственность.

Здесь нам придется вернуться к началу нашего повествования — к Марксовой идее коммунизма, пронизавшей духовную и социальную жизнь двух последних веков и проецирующей себя на грядущее столетие.

Что такое коммунизм, коротко говоря? «Коммунизм — это ассоциация, в которой свободное развитие каждого становится условием развития всех и, следовательно, реализуется гармоническое отношение между личностью и обществом». Так гласит определение из четвертого издания отечественного «Философского словаря»², основанное на некоторых дефинициях Маркса.

Мы говорили об определении молодым Марксом коммунизма как сочетания натурализма (естественности) и гуманизма. Мы говорили также о принципе коммунистического обмена между людьми («От каждого — по способностям, каждому — по потребностям»). Мы видим, что коммунизм — это принцип, не общество, а именно принцип. И нельзя построить принцип, его можно лишь выработать, предложить, отстаивать. Поэтому обиходное выражение «построить коммунизм», применявшееся в качестве формулировки задачи, неграмотно. Общество может быть всяким, но оно будет коммунистическим, если соблюден принцип коммунизма. В нем могут существовать и другие принципы, и они наверняка будут суще-

ствовать и уже существуют, ибо «однопринципиальное» общество столь же плоско и бескровно, что и «одномерный» человек, которого мы так называли выше, пользуясь выражением Герберта Маркузе. Грядет, по-видимому, и неклассический марксизм (что никак не означает немарксизма), оставив классикам заслугу закладки краеугольных камней в идейное здание коммунизма.

Само собой разумеется, что именно принципом остается и социализм, а не только коммунизм. В эпоху перестройки в СССР новым идеологам старой закалки кажется, что возвращение к многоукладной экономике и политическому плюрализму есть демонтаж «развитого» социализма, якобы достигнутого в предшествующие десятилетия. Социалистическое общество, как и грядущее коммунистическое, тоже может быть всяким. Оно даже проникает в страны капитализма, потому что некоторые государственные структуры и общественные организации действуют во имя человека и на благо ему.

Но если общество может быть всяким, то, суммируя ценности XX века и приоткрывая завесу над ценностным наследием для XXI века, никак нельзя проходить мимо ни коммуитаризма, ни других «неформальных» деяний и идей. Все они свидетельствуют о мятущемся человечестве, ищущем самого себя в лабиринте им же созданных технологических, экономических и социальных структур и доктрин.

В дефиниции, приведенной из «Философского словаря», отсутствует гармония между личностью и обществом, с одной стороны, и природой, включая природу самого человека,—с другой, вопреки очень существенной, гениальной, как мы квалифицировали ее в начале нашего очерка, догадке молодого Маркса о натураллизме.

И вот здесь самое время пристально присмотреться к понятию и термину «гармония», употребляемому в контексте коммунизма, да и в нашем изложении тоже. Порою это слово применяется столь же бездумно, туманно и ни к чему не обязывающим образом, что и слово «коммунизм». Гармония — смутное желание согласованности, не поддающейся математическому исчислению, во всяком случае в социальных науках. Гармония — заключительная и непоследняя квалификация грядущего социального блаженства.

еа в глазах утопистов прошлого. Гармония — это то, чего никогда не было в истории людей, даже (и тем более) в первобытном коммунизме. Созданное Оуэном в США поселение «Новая Гармония» распалось, как распались и современные коммуны экологов. Наконец, гармония сродни маниловским «именным сердцам»: это безмятежное словцо выражает ленивое благодушие кабинетных теоретиков. Массы и жизнь творят понятия зримее и грубее.

Следовательно, понятие гармонии в чем-то химерично и призрачно. Но и как задача, пусть предельная и никогда не достижимая полностью, нужно ли оно? Что такое «гармонически развитая личность», которой никто не видел, но которая заняла прочное место в программных установках советского общества? Если это означает «всего понемногу», конгломерат физического совершенства, широчайшего умственного, нравственного и эстетического кругозора, то мы получим бесталанного дилетанта, усредненную, деиндивидуализированную личность. Можно признать полезность и красоту пропорционально сложенного тела. Но «пропорционально сложенный» ум отталкивает и устрашает. А общество, азывшее на вооружение доктрину «гармонически развитой личности», сегодня расценивается зарубежными наблюдателями как самая угрюмая нация в мире.

В четвертом сне Веры Павловны из романа Чернышевского «Что делать?», с помощью которого все наши отечественные поколения получают в среднешкольные годы первые картинки «реального коммунизма», персонажи немножко работают, беспрестанно меняя виды труда, немножко занимаются искусством, немножко занимаются любовью, каждый вечер меняя партнеров. Общество дилетантов в профессиях и чувствах! К счастью, для формирования такого общества у человечества не найдется свободного времени, которое, как уже отмечалось выше, будет скрадываться растущим сопротивлением природы натиску цивилизации.

Подлинной ценностью, реально призванной служить человеку, будет и уже становится не гармоничность, а безопасность — экологическая, социальная, гуманитарная, правовая — или, если угодно, фульеристский гарантизм, о котором мы уже упоминали. Именно она, безопасность и ее гарантия, позволяет и будет по-

зволють свободно развиваться индивидуальностям — лучшему укреплению каждого конкретного человека, обогащающему весь род людской, создающему многоветвистую гармонию не в человеке, а в отношениях между людьми. Такую гармонию было бы правильнее назвать динамическим равновесием — по аналогии с динамическим равновесием в благополучной природе, в хорошо функционирующей экосистеме. И кстати, только дилетант-горожанин, попавший на природу в летний день, называет это вечно движущееся равновесие гармонией, предполагающей неподвижность.

При всем том, конечно же, нужна и гарантия против такого варианта «гарантизма», который, по Фурье, ведет к «позднему варварству». Вот почему, как на судебном разбирательстве, где когда-то употреблялось слово *versus* (против) для обозначения тяжущихся сторон, безопасность противостоит у нас гармонии как вещь более важная и жизненная.

Проблема безопасности всегда сопровождала человека. Он всегда старался уберечь себя от стихийных бедствий, болезней и от людей с агрессивными намерениями. Последнее воплощено почти во всех памятниках материнской культуры, которые представляют собой крепости с высокими стенами и глубокими рвами. Но что такое проблема безопасности, просматриваемая сквозь реальность нашего времени? Она стала гигантской и беспрецедентной.

Во-первых, многие послевоенные десятилетия человечеству угрожает термоядерное самоистребление. Возникла опасность пресечения человеческого рода, не существовавшая раньше никогда. Правда, столь радикальное зло слишком общо и воспринимается отдельным индивидом лишь философски. В таком умонастроении, быть может, сказывается и врожденный коллективизм людей, умирающий перед перспективой позитивных свершений, но и перед угрозой коллективной катастрофы. Тем не менее такая катастрофа реально обречет на гибель каждого.

Во-вторых, большинство жителей планеты уже теперь страдают от экологического неблагополучия. Оно более наглядно и ощутимо, чем гипотетическая ядерная катастрофа. Но и здесь до ума и сердца каждого скорее доходят локальные экологические неурядицы в виде, скажем, дымящего рядом с домом завода или

грохочущего аэропорта, чем всепланетные бедствия в виде общей деградации атмосферы или повсеместного изменения качества питьевой воды. Однако и тут опасность вполне реальна для каждого, когда адаптация организма запаздывает в сравнении со скоростью ухудшения природной среды и когда человеку грозит генетическая порча и вырождение его близких потомков. Поэтому экологически достойная человека среда обитания превращается из благородного лозунга в жгучую потребность.

В-третьих, мы уже упоминали ранее о тенденции индивидов к выходу из повиновения обществу. Частный случай такого неповиновения имеет криминальный характер и выражается в преступности, о чем мы тоже кратко говорили. Преступность стала сопровождать людей сразу же, как только возникло социальное и имущественное неравенство, и лишь первообытный коммунизм, хотя это и была самая продолжительная формация, был, в общем, свободен от нее. Современная преступность идет в ногу с научно-техническим и другими видами прогресса. Можно частными средствами создать даже атомную бомбу, которую могут применить террористы. Успехи операций по пересадке сердца и других органов прототипируют завесу над такой будущей разновидностью преступности, как ловля и умерщвление доноров здоровых органов. Конечно, сама НТР, компьютеризация, информатизация обеспечивают более эффективную борьбу с преступностью. Но последняя тоже растет и, главное, разнообразится, и соревнование между нею и карательными силами схоже с вечным соревнованием между наступательными и оборонительными видами военной техники. Всеобщий отказ от преступности, по-видимому, возможен при торжестве последовательной и полной социальной справедливости, подобно тому как всеобщий отказ от войны возможен при глубоком понимании, во всех «низзах» и во всех «верхах», ее всеобщей губительности.

В-четвертых, мы много говорили о бонапартистских склонностях государства. К счастью, они постепенно уходят в прошлое. Однако рецидивы возможны, и они случаются. По хозяйственным, политическим, военным или иным соображениям государство способно нарушать интересы, а подчас угрожать жизни групп и слоев людей, иногда значительных. Вот почему искоренение остатков на-

сильственной социальной инженерии со стороны государства и создание развитого правового государства есть не только юридическая, но и общегуманитарная задача нашего времени.

Наконец, в-пятых, всякое гражданское общество, а значит, и всякий отдельный человек в той или иной стране испытывает на себе воздействие существующего в ней социального строя, его организации, его доктрины и целей. Происходит некая индоктринация индивида (то есть внедрение доктрины, идеологии в его голову), не всегда совместимая с его духовной свободой. Этот изъян не надо путать с вполне положительным чувством национальной идентичности, любовью к родине и ее традициям да и просто с исполнением элементарных и бесспорных гражданских обязанностей. Всегда нужно различать между добровольным патриотизмом и подневольной индоктринацией, ибо без свободы духа невозможны ни индивидуальности, ни творчество, ни даже плодотворные научные изыскания, особенно в общественных дисциплинах (что и было отмечено нами выше при разборе серии зарубежных книг по глобальным проблемам человечества).

Поистине безопасность — веление времени и условие для расцвета личности. Вполне понятно, что при этом речь идет об обеспечении не безбрежной свободы индивида, которая давно и заслуженно именуется анархией, а подлинной свободы гражданина современной цивилизации — той самой свободы, которой долго и тщетно грезило человечество и которая выражена еще в позапрошлом веке в торжественном утверждении Жак-Жака Руссо, а до него — древнеримского законодателя Домиция Ульпиана: «Человек рождается свободным».

В предыдущих главах мы как-то все ходили вокруг да около понятия свободы. А оно тоже заслуживает свежего взгляда с точки зрения ценностей.

Представляет ли собой свобода абсолютную ценность? Изголодавшиеся по свободе категорически отвечают — да! «Свобода» было первым из трех ключевых слов Французской революции. Статуя Свободы в нью-йоркской бухте первой являет Америку подплывающим путешественникам или эмигрантам. Даже Б. Н. Ельцину, облетевшему ее на вертолете осенью 1989 года, она показалась очень привлекательной женщиной. Многие теперь поругивают

Энгельса за его тезис о том, что свобода есть осознанная необходимость.

В маханике существует понятие степеней свободы, выражаемое числом возможностей совершать независимые передвижения. Это понятие стали распространять на общество, как будто его единственная цель — восходить по степеням, или ступаям свободы. Но — и это очень показательно и симптоматично — фактически чаще всего употребляются, особенно в серьезных рассуждениях, не существительное «свобода», а прилагательное «свободный»: свободное время (по поводу которого в политэкономическом смысле мы уже делали уточнения в главе об экологии), свободные ассоциации свободных производителей... Свобода оказывается атрибутивной, а не субстанциональной ценностью. Проще говоря, свобода нужна не сама по себе, а для чего-то еще. Она есть условие.

В мудром русском народном языке преобладала не «свобода», а «воля», которая была скорее не омонимом, а синонимом силы, державности. Русскоязычная же «свобода» происходит от «слободы» — поселения вокруг крепости, защищаемого ею, крепостью. «Освободиться» звучало «ослобониться» в ушедшем в историю просторечии. Безопасность была превыше не только гармонии, о которой не ведали вовсе, но и свободы.

И еще об одном. У читателя, проникнутого духом коллективизма, который он ассоциирует с принципами социализма и коммунизма, и, если угодно, помнящего также о русской общинной идее (а к таким людям принадлежит и сам автор этого очерка), может возникнуть сомнение: но ведь индивидуализация, индивидуальные свободы и их гарантии — это же так похоже на капитализм, а ведь капитализм несовместим с социальной справедливостью! Да, индивидуальная, частная инициатива позволила большинству стран капитализма стать богаче большинства стран социализма в сегодняшнем мире с точки зрения массы и разнообразия товаров. Индивидуальная свобода движет человеком, но удачливый человек делает неудачливым своего соседа и создается неизлечимое социальное неравенство. Некоторые виды кооперации в СССР, основанные на столько на собственном производстве, сколько на перекупке государственных товаров и продуктов и продаже их по

спекулятивным ценам, вызывают справедливое возмущение этих самых «соседей».

При капитализме стимул — частная прибыль. Тот же стимул у капиталистически настроенных кооператоров в условиях социализма. Каков же стимул у самого социализма? И разве неправы те, кто всегда утверждал, что коммунизм невозможен, потому что он был бы царством всеобщей лени?

Но коммунизм, как и сегодняшний, возвращаемый к самому себе социализм, — это не глобальная монополярная ассоциация, где «общенародная собственность» абстрактна именно ввиду своей «общенародности». Духовные и художественные ценности бывают общечеловеческими, но одновременно они доступны каждому. Такое уж у них свойство. Материальные повседневные ценности тоже обретают свою истинную общенародность, если они доступны каждому. Поэтому монополия, государственный социализм, военный коммунизм заслуженно уходят в историю как искажения и извращения идеи социального равенства, а их место заступают свободные ассоциации, множество ассоциаций, каждый член которых совмещает в своем лице хозяина и работника.

Первобытный коммунизм имел жизненную силу и просуществовал многие сотни тысяч, а быть может, миллионы лет, если учесть предполагаемый ныне наукой возраст *Homo sapiens*. Основой его стабильности была нищета: человеку удавалось добывать только самое насущное, и любая попытка эксплуатировать ближнего привела бы последнего к голодной смерти.

Может ли основой стабильности быть не нищета, а избыток (пусть и относительный), полученный за счет технологической изобретательности человека, упорно повышающего производительность своего труда? Долгое время, многие века, не получалось: излишек отбирался и присваивался немногими. Труженик не только упорно трудится, но и упорно ищет пути исправить такое положение. И находит, проявляя социальную изобретательность, украшающую и раскрывающую его звание *Homo sapiens*. Труженик даже при капитализме научился отстаивать свои интересы не хуже, чем капиталист — свои. Он, труженик, выправит и кооперацию при социализме, как и обратит в подлинный социализм бывший социализм государственный, скрывавшийся под вывеской социалистического госу-

дарства. Современный разброс поисков способов достойного существования человека с человеком, а также человека с природой, выльется в конце концов в отекающие и необратимые формы. И народ-языкотворец, как сказал поэт, найдет им имя, которое, наверное, не будет ни коммуитаризмом, ни коммунизмом.

Однако сегодня нам дано слово «коммунизм». И мы видим, что идея и принцип коммунизма обогащаются и конкретизируются. Сворачивается восхождение от абстрактного к конкретному, хотя по формальной логике восхождение, обобщение должно совершаться в противоположном направлении. Коммунизм индивидуализируется и приобретает человеческое лицо. Не в этом ли и состоит разгадка человеческих поисков: человек возвращается после долгих блужданий к самому себе? Не встретит ли его разочарование от такого возвращения? Ведь он искал чего-то нового. Но человек всегда нов, и он неисчерпаем для познания и деятельности.

XX век дал миру плеяду мыслителей и подвижников, бросивших сильные и яркие краски на мозаичную картину столетия: Владимир Ленин, Махатма Ганди, Альберт Эйнштейн, Альберт Швейцер, Николай Рерих, Максим Горький, Владимир Вернадский, Антуан де Сент-Экзюпери. Я не называю ныне здравствующих, для адекватной оценки которых требуется историческая перспектива. Из XIX века властвует над умами титан Маркс, как и титаны Возрождения и титаны античности. Все они вложили свою личную долю в ценности XX века. Были и титаны зла — Сталин, Гитлер, Пол Пот. Их отрицательные ценности тоже имеют воспитательное и предостерегающее значение. Будут титаны и в XXI веке.

Но дело в конечном счете не в титанизме, который так часто сбивался к культу с нечеловеческими последствиями. Пусть титаном остается человек — изобретательный творец своей судьбы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В этой заключительной главе мы позволим себе поубавить те моменты, которые претендуют на научность, и увеличить долю эмоционального и личного восприятия современного социального мира. В конце концов мы же ведь ратовали за индивидуальность в предыдущих главах!

Автор также будет оперировать сегодняшними проблемами своей собственной страны, оставив склонность выходить на мировые масштабы, потому что за национальную самоидентификацию культуры и личности он тоже ратовал. Тем не менее особенности одной шестой части земной суши, конечно же, несут в себе и универсальные черты планеты.

Октябрьская революция 1917 года — самая бескровная революция в мире и символизируется холостым выстрелом из одногоединственного носового орудия «Аароры» по Зимнему дворцу. Но вскоре последовала самая кровавая в мире гражданская война, которая заняла не только официально отведенные ей 1918—1920 годы, а все десятилетия последующей Советской власти. Я имею в виду и белый и красный террор, и массовые репрессии с конца 20-х годов, и «ликвидацию как класса» огромной армии талантливых сельских тружеников, получивших кличку «кулаков-миroeдов» (то есть «поедателей» того самого «мира», общины, которую изобрел крестьянин и которую всегда уважал при любом своем имущественном состоянии), и гонения на священнослужителей и верующих, которых тоже причислили к классовым врагам и всячески карали и притесняли, поасеместно вытравая заодно всякую духовность.

Вообще «классификация» людей, распределение их по социальным группам, будучи праомомерной на научном уровне, сыграла зловещую роль на уроке практики. А знаменитый сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к бесклассовому обществу — алогичный и параноидальный даже теоретически — реально бил по людям, уже совсем лишенным признаков принадлежности к взаимно борющимся классам. Даже бескровная революция преаращалась в народной легенде в сокрушительный залп боевыми снарядами из всех бортовых орудий корабля с наванием, предвещающим утреннюю зарю, перед которой багровеет небо.

Гражданская война — посмеем это утверждать — продолжается до сих пор. Она выражается в межнациональных стычках с эксцессами и кровавыми исходами. Духовно она чуть ли не вошла в генетический код «гомо советикус», «человека советского», как его классифицируют на Западе. Даже появилось — слава богу, эфе-

мерно пугающее понятие «враг перестройки» по прямой аналогии с понятием «враг народа», с клеймом которого ушли в небытие миллионы советских людей. А ведь аналогично быть не должно хотя бы потому, что противники перестройки существуют действительно, а «враги народа» были выдуманы.

Конечно, революция с ее многолетними последствиями была не только разрушительной. Да, старый мир, до боли знакомый, подробнейший и конкретнейший, разрушался под пение пролетарского гимна «Интернационал» «до основания, а затем...» А затем надо было на расчищенном месте построить новый мир, мир коммунизма, так и оставшийся абстрактным. Строительство нового, как и разрушение старого, тоже приобретало жестокий характер, выраженный в другой песне-гимне межвоенной поры, когда людям предлагался «вместо сердца пламенный мотор». Это не было предвидением будущей хирургии пересадок сердца. Пожалуй, это было предвидением роботизации человека, которое непременно сбывается, если не начать бить тревогу уже сейчас.

Есть в Москве место, которое как бы служит наглядным пособием для уяснения этого разрушительно-созидательного пафоса известного периода в истории нашей страны. На этом месте стоял храм Христа Спасителя, о котором мы уже говорили в начале нашего повествования. Он был взорван, чтобы на его месте возвести Дворец Советов, проект которого поразительно напоминал библейскую Вавилонскую башню на полотне Яна Брейгеля. После закладки фундамента и начала монтажа железной арматуры строительство дворца было остановлено, что тоже роднит его с башней — древнейшей «незавершенкой». В новой истории помешало не «смешение языков» и даже не Отечественная война (сразу после нее строительство хотели возобновить), а спасительные новые времена, наступившие с хрущевской «оттепелью».

А тогда, до «оттепели» и до войны, вместе с чертежами проекта писались полотна и акварели с дворцом и его ближним окружением. Где-то в стороне замшелый, нереставрируемый Кремль был оставлен лишь для контраста сплошной новизне конструктивистской застройки. А по обширной площади перед дворцом двигались прохожие, очень редко в одиночку, а чаще прямоугольниками небольших колонн со знаменосцем во главе каждой из них.

Это — будущие «виитики», тоже изобретение Сталина, строившего в голове грандиозную государственную машину, вобравшую в себя все общество целиком.

За советскую историю было много приобретений. Страна стала державой индустриальной, сильной, образованной, а в годы гласности — информированной. Но было много и потерь — вещественных, духовных, человеческих. Физических потерь войн и репрессий. Духовных и нравственных потерь, обрамляющих еще более широким кругом потери первого рода. Их осознание, конечно, тоже укрепляет. Но, как поется в одной из песен рок-ансамбля «Санкт-Петербург-2»:

Русские, русские,
Неспокойная судьба.
Но зачем, чтоб быть сильней,
Нам нужна беда?

Мы можем привести реестр этих потерь второго рода, часть из которых затронула, к нашему весьма условному утешению, не только страну, но и остальной мир:

— потеря исторической памяти. Репрессии сопровождались принудительным забвением имен их жертв, а строительство нового мира — тотальным забвением мира старого в нарушение ленинского завета о том, что коммунистом можно стать, лишь усвоив всю сумму знаний и опыта предшествующей истории. Время, как известно, двунаправленно, и забвение прошлого обернулось заволакиванием будущего. Человек оказался жертвой мгновения с психологией временщика, для которого не существует сколько-нибудь постоянных ценностей;

— как следствие — измельчание интересов и идеалов, их меркантилизация, отказ от «высокого штиля» в повседневной этике и эстетике собственного бытия как от чего-то старомодного;

— тотальная безынициативность и «единомыслие», возвращенные десятилетиями монопольного и всеохватного единоначалия «верхов», господства социальной инженерии, заранее моделировавшей взгляды, мировоззрения, нормы поведения;

— опасное посягательство на извечную ячейку общества — семью, тенденция к ее распаду в виде чудовищно высокого процента расторжения браков, детского сиротства при живых роди-

телях, стариковского одиночества при живых детях (употребление отчества после имен в русском языке может стать загадочным архаизмом), дефеминизации женщин вследствие вульгарно понимаемой их эмансипации и феминизации мужчин, теряющих освященную тысячелетиями патриархата ответственность за семью, не могущих ее самостоятельно содержать на свою низкую зарплату;

— в итоге — чувство потерянных идеалов, потерянного поколения и даже потерянной родины, что порою выражается в легкости, с какой некоторые решаются на эмиграцию, не опасаясь последующей ностальгии.

Эти пять штрихов (а их можно при желании умножить) поистине устрашающей картины могут вызвать недоумение или даже возмущение иного читателя, который обвинит автора в очернительстве советской действительности. В предвидении такого реагирования, которое тоже происходит из лакированного «светлого прошлого», мы добавим к нашему перечню еще и шестой штрих: потеря интеллигентности (которую не надо путать с интеллектуальностью или просто образованностью). Сегодняшние телезрители с «географическим» интересом смотрят и слушают выдающегося советского культуролога, «петербуржца» (как много значит это слово!), академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который все-таки являет нам не уникам, а должную норму, как являл ее нам образ Владимира Ильича Ленина, которого мы каменно хрестоматизировали (его супергигантская фигура венчала и спроектированный Дворец Советов) и тем самым отошли от интеллигентности.

Так вот, интеллигентность, помимо асех ее прочих свойств, заключается в неумной неудовлетворенности. Достоинства и успехи не нуждаются в пристальном внимании. Недочеты, просчеты и изъяны нуждаются острейшим образом, и, как на хирургическом столе, их нужно высвечивать ярким светом, даже гипертрофировать подчас для более четкого их различения. Мы упоминали, в другой связи, ибсеновского «Пер Гюнта». В этой драме-сказке фигурируют тролли — фантастические существа скандинавского эпоса, общение с которыми сделало Пер Гюнта жестоким гордецом. И отличие челоаекоподобного тролля от человека там выражено двумя принципами — человеческим «Будь собой» и троллевским «Будь доволен собой». Тролли были неинтеллигентны.

Было время разбрасывать камни. Настало время камни собирать. Надо восполнять потери, возвращать утраченное. Конечно, стопроцентная реставрация былого невозможна да и не нужна. Невозможно восстановить, а можно лишь «смакетировать» храм Христа Спасителя, как это сделали с московской Триумфальной аркой, которую заново возвели на другом месте с применением новейшей строительной технологии и воспроизведением надписи о доблестях русского воинства без «ятей» и твердых знаков. Абсолютно не нужно возобновлять строительство Дворца Советов. Но возродить, воспринять и, главное, продолжить и умножить нравственное богатство — это категорический императив. А для его исполнения придется глубоко и покаянно вновь познать те «предметы», которые подлежат восстановлению и развитию.

Это нужно и для далекого грядущего. Мы говорили о свободных ассоциациях свободных производителей, в которых реализуется коммунизм. Но не будут ли их преследовать рэкетеры, как сейчас они принялись преследовать некоторых кооператоров?

В середине 70-х годов нашего века американский физик Джерард О'Нейл предложил проект создания в космосе серии «островов» — огромных сооружений в открытом космическом пространстве с населением в каждом от десятков тысяч до десятков миллионов человек. Такие острова, по его мысли, будут юридически независимы друг от друга и от Земли, а в социальном отношении будут представлять собой рационально организованные и совершенно неантагонистические мини-общества. Сразу же в тех же США последовала критика проекта О'Нейла, притом не инженерно-техническая критика, а как раз политико-социологическая «Острова» будут нападать друг на друга, утверждали его оппоненты, сильные и многонаселенные поселения будут грабить слабых и малонаселенных, и не найдется никакой верховной инстанции, чтобы пресекать подобную агрессию. Выглядит фантазмагорически, но политически все здесь реально. Критики О'Нейла проецировали на космос сегодняшнюю человеческую действительность.

Не будем гадать о земных «островах», то есть свободных ассоциациях будущего безгосударственного человечества, иначе мы не последуем здравому совету Энгельса не детализировать слишком отдаленное грядущее. Человечество того времени, надо ду-

мать, само найдет способы «дерзкетизации» и «деагрессивизации» общества, как найдет и средства для обеспечения достойного существования своих особей, лишенных бизнесменской жилки. При этом ему не нужны будут репрессивные монстры прошлого, государства-левнафаны, против которых восставали многие мыслители далекого и недавнего прошлого.

Но такое человечество начинает формироваться исподволь, уже сейчас. Оно отчеканивает формы сосуществования, сотрудничества и солидарности своих членов, как мы показывали это на примере труженика, воссоединяющего себя со средствами производства и сливающего в одном лице работника и хозяина. А труженик побеждал всегда. Потому-то может модифицироваться по терминологии, но не может умереть его девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

ПРИМЕЧАНИЯ

Смена парадигм

¹ См.: Кун Томас. Структура научных революций. — М., 1977. — С. 11 и др.

² Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. — М., 1988. — С. 509.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 13. — С. 7.

Тернистый путь коммунизма

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 22. — С. 563.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 42. — С. 116.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 1.

⁴ См., в частности: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 45. — С. 115; Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 34. — С. 83.

⁵ Клямкин Игорь. Почему трудно говорить правду. Выбранные места из истории одной болезни // Новый мир. — 1989. — № 2. — С. 229, 232—233.

⁶ См.: например: Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой. — В кн.: Иного не дано. М., 1988.

⁷ Цит. по: Pierre Broué. Trotsky. — Paris, 1988. — P. 772—773.

⁸ Brzezinski Zbigniew. The Grand Failure. The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. — New York, 1989. — P. 244.

От технократизма к экологизму

¹ McLuhan Marshall. Understanding Media. The Extensions of Man. — New York, 1964

² Carson Rachel. Silent Spring. — New York, 1964.

³ Сен-Марк Ф. Социализация природы. — М., 1977

⁴ Там же. — С. 70—71.

⁵ Bell Daniel. The Coming of Post-Industrial Society — New York, 1973.

~~⁶ Toffler Alvin. The Third Wave. — New York, 1980.~~

⁷ Bahro Rudolf. Logik der Rettung. Wer kann die Apokalypse aufhalten? Ein Vergleich über die Grundlagen ökologischen Politik. — Stuttgart, 1987.

⁸ Ibid. — S. 325.

⁹ Ibid. — С. 317.

¹⁰ Вернадский В. Указ. соч. — С. 94.

¹¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 42. — С. 124.

Мировоззрение гуманизма

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 42. — С. 116.

² См.: Картер Б. Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии. — В кн.: Космология. Теория и наблюдения. — М., 1978.

³ См.: Pagels Heinz. The Cosmic Code. Quantum Physics as the Language of Nature. — New York, 1982. — P. 343—349.

⁴ Schell Jonathan. The Fate of the Earth. — New York, 1982. — P. 8.

⁵ См.: Тейяр де Шарден Пьер. Феномен человека. — М., 1965. — С. 35, 38 и др.

⁶ См.: Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. Научно-фантастические произведения. — Тула, 1986. — С. 419—427.

⁷ Ильенков Э. В. Космология духа. Философско-поэтическая фантазмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма // Наука и религия. — 1988. — № 8—9.

⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 57, 75—78, 84, 296, 299 и др.

⁹ См.: Клямкин Игорь. Указ. соч. — С. 217.

¹⁰ Фурье Шарль. Избранные сочинения. — Т. 1. — М.—Л., 1951.

¹¹ Там же. — С. 143, 159.

Коммунитаризм

¹ Baumgartner Armin. Zumutungen. Zur Frage des Umdenkens in der heutigen Orientierungskrise. — Bern, 1983. — S. 30.

² Sperry Roger. Science and Moral Priority. Merging Mind, Brain and Human Values. — New York, 1983. — P. 46 ff.

³ Henry Michel. La barbarie. — Paris, 1987. — P. 172, 210 ff.

⁴ Stokes Bruce. Helping ourselves. Local Solution to Global Problems. — New York — London, 1981. — P. 14, 17, 47, 142 ff.

⁵ Bahro Rudolf. Op. cit., S. 486.

⁶ Pioneering the Space Frontier. The Report of the National Commission on Space. — Toronto — New York — London — Sydney — Auckland, 1986. — P. 70.

⁷ Lorenz Konrad. Der Abbau des Menschlichen. — München, 1983. — S. 287—290.

⁸ Рождественская С. Б. Отражение отношения «человек—природа» в народном искусстве. — В кн.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. — М., 1981. — С. 291.

⁹ Bhagwan Sri Rajneesh. The New Man. The Only Hope for the Future. Rebel Publishing House, 1987. — P. 53.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 4. — С. 447.

¹¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (изд.). Энциклопедический словарь. — Т. XXIV. — Спб., 1898. — С. 203—204.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 19. — С. 401.

Безопасность versus гармония

¹ См.: Carr Edward H. A History of Soviet Russia. Socialism in One Country, 1924—1926. — Vol. 1. — London, 1958. — P. 494—499.

² Философский словарь. — М., 1980. — С. 340. В пятом, последнем по времени, издании (М., 1986) формула коммунизма по содержанию, в общем, такая же, разбросана и в сжатом виде отсутствует (см. с. 206—207).

СОДЕРЖАНИЕ

Смена парадигм	3
Тернистый путь коммунизма	5
От технократизма к экологизму	13
Мировоззрение гуманизма	23
Коммунитаризм	31
Безопасность versus гармония	44
Возвращение человечности	54
Примечания	61

Научно-популярное издание

ШКОЛЕНКО Юрий Андреевич
ЦЕННОСТИ XX века

Гл. отраслевой редактор Ю. Н. Медведев
Редактор В. Р. Быстров
Мл. редактор Т. А. Тарасова
Худож. редактор Л. А. Гусева
Техн. редактор А. М. Красавина
Корректор Н. Д. Мелешкина

ИБ № 10967

Сдано в набор 26.03.90. Подписано к печати 23.05.90. А 01990. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80 Усл. хр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,52. Тираж 23 935 экз. Заказ 564. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 901306.

Типография Всесоюзного общества «Знание» Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

276

Дорогой читатель!

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку.

Подписка на брошюры издательства «Знание» ежеквартальная, принимается в любом отделении «Союзпечати».

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в «Каталоге советских газет и журналов» в разделе «Центральные журналы», рубрика «Брошюры издательства «Знание»

ЗНАНИЕ

Цена подписки
на год
1 руб. 80 коп.

Издательство
«Знание»

Наш адрес:
СССР,
Москва,
Центр,
проезд Серова, 4